

**АЛЕКСАНДР
ПРОХАНОВ**

ЛЕМНЕР

18+

РЕДАКЦИЯ
КП

русская реконкиста

Русская Реконкиста

Александр Проханов

Лемнер

«Издательство АСТ»

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Проханов А. А.

Лемнер / А. А. Проханов — «Издательство АСТ»,
2025 — (Русская Реконкиста)

ISBN 978-5-17-175726-7

Русский постмодернизм — переосмысленный, но по-прежнему беспощадный — наконец-то находит серьёзную тему и настоящего героя. Новый роман Александра Андреевича Проханова посвящён авантюрам, подвигам, неистовым страстям, чудовищным злодеяниям Михаила Лемнера — персонажа русской истории, который не раз выходил на авансцену то Степаном Разиным, то Емельяном Пугачёвым, а то героями Русской Весны. Лемнер напоминает Евгения Пригожина — создателя ЧВК «Вагнер», ярчайшего персонажа наших дней. #груздвестимывместе #всехубитьвсёотнять #всехлюбитьвсехобнять #шайтангдеснаряды

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-175726-7

© Проханов А. А., 2025

© Издательство АСТ, 2025

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	19
Глава четвёртая	25
Глава пятая	28
Глава шестая	34
Глава седьмая	39
Глава восьмая	44
Глава девятая	49
Глава десятая	51
Глава одиннадцатая	56
Глава двенадцатая	60
Глава тринадцатая	67
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Александр Проханов

Лемнер

© Александр Проханов, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *

*В Кремле разбилось голубое блюдо,
И с колокольни колокол упал.
Зажглись над Русью люстры революций —
И начался кромешный русский бал.*

*Утихнут звуки суеты мирской,
Повиснут флагов вялые мочалки.
Тогда в ночи промчатся по Тверской,
Стреляя пулемётами, тачанки.*

*Там будет кровь в озёрах, как вода,
И звёзды упадут за горизонты.
Гремя огнём, пойдут на города
Танкисты из восставших гарнизонов.*

*Гори, гори, печальная звезда,
Над миром истлевающих останков.
Мне пели песни бронепоезда
На стылых разорённых полустанках.*

*Куда ни глянь, повсюду двойники.
В любом стекле кривляются подобья.
Двоится мир, двоятся гнойники,
Двойник Кремля взирает исподлобья.*

*Двойник луны качается в реке.
Двойник звезды всплывает из болота.
Двойник гранаты – в поднятой руке.
Двойник луча – из жерла пулемёта.*

*Тогда услышим мы истошный крик.
Там убивают жениха на свадьбе.
Горит пожар из драгоценных книг,
Сжигаемых в отеческой усадьбе.*

*И в небесах раздастся Божий глас,
С пустых церквей сдувая позолоту.
И не спасёт резной иконостас.
Послужит он ступенью к эшафоту.*

*Россия, Русь, осиновая грусть,
Ты участи своей не избежала:
Мне, сыну своему, разъяла грудь,
Вонзив итьйка отточенное жало.*

Глава первая

Две фирмы, учреждённые Михаилом Соломоновичем Лемнером, обеспечивали ему благополучие и заметное положение в обществе – бюро сексуальных услуг «Лоск» и частное охранное предприятие «Волк». Бюро направляло эскорты породистых проституток во дворцы Кавказа, на виллы в Эмираты, на деловые симпозиумы корпораций, проходившие у лазурных морей. Охранное предприятие обеспечивало безопасность высоких персон, их жен и детей, загородных усадеб, рабочих кабинетов, маршрутов, по которым перемещалась персона на деловые встречи и увеселения. Иногда заказ поступал сразу в оба учреждения, и тогда женщины в платьях из дорогих шелков на великолепных машинах отправлялись в подмосковные резиденции, и их сопровождали суровые телохранители, увешенные рациями и оружием. Управление обоими учреждениями требовало от Михаила Соломоновича жёстких форм. В женском и мужском коллективах царил дисциплина, возможная лишь в военных подразделениях и монастырях. Проститутки трепетали перед Михаилом Соломоновичем, боялись его жестокости и обожали за щедрость. Из худосочных провинциальных девиц, покрытых паршой, они превратились в ослепительных, сияющих драгоценными лаками красавиц, ведавших мужские странности и добавлявших к этим странностям новые, неслыханные.

Михаил Соломонович при бюро «Лад» основал «Школу эротических таинств». Наставницами приглашались самые искусные эротоманки мира. Они знали тайные обряды европейских масонов, африканские свирепые инициации, мучительный, со смертельным исходом, японский эротизм, тяжёлые латиноамериканские соития, похожие на животные случки.

Охранников Михаил Соломонович отправлял на стажировку в Израиль. Там они учились стрелять на звук, уходить от погони, сбивая на переходах детей, бинтовать огнестрельные раны и вправлять суставы.

Михаил Соломонович рассматривал оба предприятия как организации орденового склада и принимал в них не всякого, а лишь тех, кто был готов к служению. Охранники, прошедшие чеченские войны, составляли воинское братство и присягали на верность Михаилу Соломоновичу, блюли кодекс чести. Кодекс призывал умереть в неравной схватке, молчать под пыткой, добывать раненого врага и ценить жизнь товарища больше своей. У охранников был гимн со словами: «У каждой пули есть своя улыбка» и «Несу на блюде голову врага». Был флаг – чёрное поле, серебряное блюдо с отрубленной головой овна.

Михаил Соломонович мечтал когда-нибудь создать из охранного предприятия небольшую армию с броневиками, вертолётами и зенитными комплексами.

Проститутки брали за образец олимпийские команды, где успех каждой возвышал остальных, и победа команды наделяла достоинством каждую из её членов. Михаил Соломонович внушал им, что их профессия царственная и каждая из них Клеопатра. И всякий, кто посмеет оскорбить честь проститутки, будет жестоко наказан. Эскорты, снаряжаемые Михаилом Соломоновичем, были экспедициями в неведомые страны, и каждую экспедицию он встречал и расспрашивал об обитателях этих стран. Так полнились его досье о состоятельных и влиятельных членах общества.

В бюро «Лад» явился модный дизайнер из крупной рекламной компании и заказал эскорт.

– Мы работаем дни и ночи. Рекламируем французские шампуни, итальянские пудры, испанские помады, китайские мази для кожи. Мы все ужасно устали. Я решил сделать моим дизайнерам подарок. Вы можете найти для нас что-нибудь сверхъестественное?

– Что в огне не горит? – любезно пошутил Михаил Соломонович.

– О, да! Что в огне не горит!

У дизайнера было безволосое липкое лицо. Он напоминал моллюск, у которого раскрылся маленький, как присоска, рот.

– Мои барышни знают толк в итальянских пудрах и испанских помадах. Они в огне не горят, потому что сами огонь.

Дизайнеры работали на подмосковной вилле в поселке Свиристелово. Там проходили их мозговые штурмы, творилась компьютерная графика, шелестели принтеры. Туда, на виллу, Михаил Соломонович провожал эскорт.

– Вам предстоит встреча с художниками, ценителями красоты. Не удивляйтесь их утончённым прихотям. Среди них может оказаться русский Дега, певец голубых балерин. Или Анри Тулуз-Лотрек, обожатель танцовщиц кабаре. Позируйте им. Ваши чудесные профили, очертания ваших грудей, плавный изгиб ваших бёдер могут оказаться на флаконе французского шампуня или коробке итальянской пудры. Будьте прекрасны, как ваша царственная покровительница Клеопатра.

Женщины внимали напутствию. Все были прекрасны. На их веках лежала пыльца, как на крыле изумрудной бабочки. Их босоножки не скрывали алого педикюра. Их губы были в разноцветной помаде, словно они вкушали фиолетовые, розовые, малиновые плоды. Особенно хороша была Матильда с рыжими, как медь, волосами и зелёными глазами морской дивы. Она влюблённо смотрела на Михаила Соломоновича, и тот помнил их мимолетную встречу, когда в полутёмной спальне она сдавала ему экзамен по окончании «Школы эротических таинств».

Перед отъездом в Свиристелово проститутки награждали Михаила Соломоновича воздушными поцелуями, а он по-отечески целовал их в лоб.

Утром в бюро «Лад», где спозаранку работал Михаил Соломонович, влетели стенающие проститутки. Их вид был ужасен. Все в копоти, ожогах, шелка обгорели, волосы пахли дымом. Босые, поддерживая на груди рваные платья, они голосили.

– Что с вами? На каком пожаре горели? Да по одной! Вот ты говори!

– Я, я не могу!.. Я, я боюсь!.. Матильдочка умерла!

– Да ну, говори же!

Рассказ был жуткий. Дизайнеры приняли проституток с восторгом. Вино, объятья. Дышала жаром сауна. Зеленел малахитом бассейн. Дизайнер, похожий на липкую мидию, возгласил:

– Мы устали от обыденной жизни. Не хватает новизны, фантазий, игры. Давайте играть в инквизицию. Исполним обряд сожжения ведьм. Были времена, когда над Европой стаями летали ведьмы. Они околдовывали королей, отравляли колодцы, превращали хлеб в камень, церковное вино в уксус. Христианская Европа обрядилась в сутаны, надвинула балахоны и повела на костёр колдуний. Так давайте же исполним этот европейский обряд!

Девушки восхитились. Все учились в «Школе эротических таинств», знали толк в любовных играх, были рады научиться ещё одной.

Дизайнеры обрядились в чёрные сутаны, подпоясались верёвками, надвинули балахоны. Повели девиц на поляну. А те изображали колдуний. Танцевали, кричали кто совой, кто кошкой, кто выл волчицей. На широкой поляне среди вековых дубов были врыты столбы. Мрачные капуцины подводили девушек к столбам, привязывали ремнями. Ведьмы, привязанные к столбам, продолжали насыпать порчу, губить урожаи, лишать королей наследников, накликали чуму и оспу. Монахи сносили к столбам сухой хворост, обкладывали колдуний хвоей, берестой, давали каждой целовать крест. Колдунии завывали, рывкали, мяукали.

Монах с лицом, похожим на липкое тесто, открывал чмокающий ротик:

– Вы как больные ветки плодоносящего дерева жизни. Вы иссохли и не приносите плодов. Такие ветки обрубают и бросают в огонь!

В руках монаха появился смолистый факел. Монах шёл мимо столбов, совал факел в хворост, поджигал бересту. Костры запылали. В них кричали привязанные женщины, искры

летели к вершинам дубов, а монахи с песнопениями подкидывали сучья в огонь. Обгорелые, опалённые девушки избавлялись от пут, с воплями убегали, и только Матильда кричала, и её рыжие волосы, охваченные рыжим огнём, отделялись от головы и летели к вершинам.

– Она умерла, умерла, наша Матильдочка! Она любила вас, Михаил Соломонович! Она из огня звала вас! – стонали проститутки, заполнившие кабинет.

Он вызвал бригаду врачей, и пострадавших женщин положили в больницу. Отправился к охранникам и приказал собираться на «реализацию». Так бойцы спецназа отправляются на задание. Они действовали по методике израильских спецслужб. Сменили номера машин. Навинтили на пистолеты глушители. Напялили чулки с прорезями. Тремя машинами отправились на виллу в поселок Свиристелово мешать мужское семя с кровью.

Было солнечно. На поляне стояли обгорелые столбы, вокруг лежал тёплый пепел, в котором Михаил Соломонович нашёл золотую змейку, которую Матильда носила на груди. Дизайнеры, оглушённые кокаином, полуголые, лежали по комнатам, на веранде, при входе в баню. Тут же валялись чёрные балахоны. Дизайнер с лицом из липкого теста лежал на тахте. Его маленький рот выдувал пузырьки. Глаза были полуоткрыты, в них блестела слезь.

Охранники ходили по комнатам, шелестели выстрелами, убивали в лоб спящих дизайнеров. Командир по имени Вава следил, чтобы работа была безупречной. Иногда показывал, как следует держать пистолет, чтобы не забрызгало кровью. Михаил Соломонович приставил нож к сердцу дизайнера и ударил в торец рукоятки. Нож с хрустом пробил грудину и остановился в сердце. Дизайнер всхлипнул, подрыгал голой ногой и затих. Лемнер схватил стул и разбил о стену. Вогнал ножку стула в рот дизайнера и несколько раз провернул, видя, как сыплется из окровавленного рта гроздь зубов. Это не было мстостью за бесчеловечное обращение с проститутками и убийство Матильды. Это была расплата с недобросовестными пользователями услуг. Они взяли на прокат ценные изделия, привели их в негодность и поплатились. Эта расплата получила в народе имя «Свиристеловой бойни». Полиция искала убийц и не нашла.

Михаилу Соломоновичу было за сорок. Он походил на звезду немого кино. Чёрные с блеском волосы на косой пробор. Лунно-белое лицо. Углем проведенные брови. Огненные глаза. Сочные губы, иногда слишком яркие, в минуты волнения. Нос с римской горбинкой. Друзья, желая польстить, называли его лордом. Он окончил университет и был знатоком русской литературы. Владел английским и французским. Одевался изысканно. К тёмному дорожному костюму подбирал шёлковые итальянские галстуки, завязывая вольным узлом.

Именно такой малиновый шёлковый галстук, как бутон, расцветал под гибкими пальцами Михаила Соломоновича Лемнера. Он разглядывал своё отражение в высоком зеркале. Оно позволяло создавать безукоризненную гармонию туалета от галстука до блестящих туфель стиля «Оксфорд». Он был приглашён в Кремль к могущественному приближённому Президента Антону Ростиславовичу Светлову с кратким, как боевой позывной, прозвищем Светоч.

Светоч был когда-то личным охранником Президента Леонида Леонидович Троевидова, спас ему жизнь, заслонив своим телом от взрыва. Был изувечен, заслужил особую благодарность Президента, возглавил его личную охрану и исполнял тайные поручения, после которых бесследно исчезали оппозиционеры, строились в Дубае дворцы, склонялись на сторону России африканские диктаторы. Михаил Соломонович не представлял, зачем понадобился Светочу, который едва ли знал о его существовании.

Он въехал в Кремль через Троицкие ворота. Машина вкусно прохрустела по брусчатке, и Михаил Соломонович вышел на Ивановской пощади, окружённый янтарными дворцами, сахарными соборами, серебром и золотом в сиянии летнего дня. Как всякий русский, Михаил Соломонович взволновался. Колокольня Ивана Великого царственно устремлялась ввысь, увенчанная главой, похожей на золотой глаз. Этот глаз колокольни не смыкала даже в самые хмурые московские дни, в самые тёмные русские годы. Колокольню опоясывала золотая, по чёрному, надпись. С самого детства Михаил Соломонович старался её прочитать и не мог.

Надпись рябила, скользила бегущей строкой, менялась. Была строкой из сказки «Аленький цветочек», из речи Сталина на параде, из отречения царя Николая, из руководства по стрельбе из переносного зенитно-ракетного комплекса «Игла». Сейчас вокруг колокольни бежала золотая строка из сожжённой десятой главы Евгения Онегина: «Властитель слабый и лукавый, плешивый щёголь, враг труда, нечаянно пригретый славой, над нами царствовал тогда». Михаил Соломонович обнаружил в этом описании намёк на Президента Леонида Леонидовича Троевидова.

Янтарный дворец принял его в свои тяжёлые, с медными ручками, двери. Охрана пропустила его сквозь металлоискатель, способный реагировать на содержание железа в крови. Чуткий щуп прошелестел по его спине, ягодицам. Холодные голубые глаза охранника заглянули ему в зрачок, выживая притаившийся злокозненный умысел. Тот же взгляд, стальной, беспощадный, был у охранников его частного предприятия, у которых под мышкой бугрилось оружие. Этот взгляд соединял в треугольник лоб посетителя, ствол пистолета и палец охранника.

Приёмная Светоча была просторная, с высоким окном. В окне круглились мятые золотые купола Успенского собора, похожие на воздушные шары с натянутыми стропами. Собор висел на воздушных шарах, покачивался, готовый улететь. За дубовой стойкой сидели две секретарши, одинаково красивые, перламутровые, похожие на речные, хорошо промытые раковины. Тихо шелестели телефоны, стрекотали клавиши. Михаил Соломонович втягивал воздух, желая уловить запах духов. Быть может, тех дорогих, приворотных, какими пользовались красавицы эскорт, отправляясь в заморские туры. Но пахло не духами, а чем-то лаковым, целлулоидным. Словно секретарши были пластмассовыми. Их можно раздеть и увидеть детали искусственного тела.

Михаил Соломонович терпеливо ждал, глядя, как медленно опадает стрелка настенных часов.

Дверь в кабинет (из коричневого дерева с дубовыми косяками) напоминала церковный киот. В такой – помещают икону, и она драгоценно цветёт. Дверь отворилась, и появилась женщина, внезапно, словно вышла из стены, яркая, в голубом шёлковом платье, длинном и свободном, как сарафан. Словно её вынес ветер в колыпании голубого шёлка. Её лицо, удлиненное, с тонким носом и маленьким пунцовым ртом, сияло морским загаром. «Средиземноморским», – подумал Михаил Соломонович. Чёрные волосы отливали перламутром. Тёмные глаза, увидев Михаила Соломоновича, широко раскрылись, а потом сузились, и в их темноте появился янтарь. Михаил Соломонович повёл взгляд вниз, по волнистому шёлку. Платье почти касалось пола, виднелась туфля на высоком каблуке. Между туфлей и шёлком мелькнула лодыжка, чуткая, страстная, ослепила Михаила Соломоновича. Он жадно выхватил из-под шёлка этот пленительный образ, сберегая до вечера, когда, укладываясь в постель, вспомнит эту чудесную лодыжку и станет её целовать.

– Михаил Соломонович? Я Лана Веретенова. А правда ли, что у вас в доме висит подлинник Ван Гога «Пшеничное поле возле Оверна»? Проходите, Антон Ростиславович ждёт вас, – женщина пронесла у лица Михаила Соломоновича волну голубого шёлка, и он уловил и не хотел отпустить запах тёплого тела, горячего песка, душистого Средиземного моря.

Кабинет Светоча был просторен и пуст. Казалось, из него вывезли убранство, оставив самую необходимую казённую мебель. Несколько белых, цвета бильярдных шаров, телефонов, красная папка с бумагами, длинный стол заседаний с рядами стульев. Пустота кабинета предполагала появление в нём чего-то громоздкого и пугающего, быть может, гильотины. Снаружи в окно заглядывали мятые купола собора, как сумрачные лица с позолоченными лбами. Всё, что случалось в кабинете, проходило под присмотром этих сумрачных ликов. На голой стене висел портрет Президента Леонида Леонидовича Троевидова. Своим белым сдобным лицом, мягким безвольным ртом, кудрявыми бакенбардами он удивительно походил на императора

Александра Первого, и Михаил Соломонович вспомнил пушкинскую строку на колокольне Ивана Великого.

Светоч встал, сбив вздетый к портрету взгляд Михаила Соломоновича. Так сбивают беспилотник.

– Рад видеть вас, Михаил Соломонович.

Вид Светоча был пугающим. Половина лица изуродована давним взрывом, пузырями ожогов, надрезами множества операций. Правая бровь отсутствовала, под выпуклой костью лба мерцал искусственный глаз из горного хрусталя. Говорили, что хрусталь взят из погребений древних ариев, обитавших в Аркаиме. Глаз переливался зелёным, розовым, синим. Другая половина лица сохранила волевую скулу с желваком, часть крепкого носа и жёсткого рта и серый холодный глаз. Глядя на это лицо, Михаил Соломонович подумал, что Светоч претерпевал преобразование из чудовища в человека, и это преобразование было прервано, сотворение человека приостановлено.

Михаил Соломонович вспомнил сказку «Аленький цветочек». Там любовью совершается чудо, жуткий зверь превращается в принца. В случае Светоча сила любви вдруг иссякла и полного превращения не случилось.

– Садитесь, Михаил Соломонович. Вам чай, кофе?

– Если можно, кофе. Была бессонная ночь. Хочу взбодриться.

– Много работы? Ведь у вас под рукой стая волков и стадо овец. Для тех и других нужна собака. Как вам, Михаил Соломонович, удастся быть одновременно и овчаркой, и волкодавом?

Сравнение с собакой могло обидеть Михаила Соломоновича, но злая издёвка обещала неформальное общение. Михаил Соломонович дорожил внезапным сближением с тем, перед кем трепетали министры и генералы. Общаясь со Светочем, он общался с самим Президентом. Его близкое присутствие подтверждал портрет, на котором хотелось дорисовать эпюлеты. Золотые головы за окном ударились одна о другую, оставляя вмятины.

– Любое дело, большое или малое, однажды затеянное, требует постоянного улучшения и развития. Иначе оно зачахнет. Самолёт, поднятый в небо, должен стремиться вперёд. Если остановится, то упадёт. Государство – это большой самолёт, который должен стремиться вперёд. Если оно не развивается и останавливается, то падает и разрушается.

– Наша Россия, слава богу, не останавливается. У Президента есть помощники, которые не дают государству упасть и разбиться.

Хрустальный глаз Светоча моргнул, дрогнул зелёным и розовым. Михаилу Соломоновичу показалось, что из хрусталя излетает луч, как из лазерного прицела, а у него на переносице уже задрожало красное пятнышко.

– Мне доложили, что в вашу «Школу эротических таинств» приглашена наставницей мексиканская колдунья. Чему она может научить русских девушек? Впору ей самой поучиться.

– Она привезла рецепты дурманных цветов, растущих на склонах вулканов. Таких, например, как горный георгин. Мужчину, вкусившего настой мексиканского георгина, посещают галлюцинации. Ему чудится, что женское лоно превратилось в огромный пылающий зев, в огненную пещеру. Он погружается в эту пещеру с головой. Начинается его странствие. Он испытывает неслыханные наслаждения, переживает кошмары и ужасы. На него нападают злобные карлики и ядовитые пауки. Он умирает на дыбе и воскресает от поцелуя красавицы. Мужчина покидает пещеру и сразу ложится в психиатрическую лечебницу. Мы выяснили, что похожими свойствами обладает настой из русских лесных колокольчиков. Мы отпустили наставницу в Мексику и наладили у себя производство настоя.

Сказанное Михаилом Соломоновичем было дерзким преувеличением. Дерзость была замечена Светочем. Она могла разгневать его. Дерзость была ответом на злую издёвку Светоча, сравнившего Михаила Соломоновича с собакой. Светоч был сильным человеком и оценил дерзость. Ценил силу в других. Михаил Соломонович обнаружил силу. Светоч, изведав-

ший однажды силу взрыва, умел угадать силу в человеке. И имел дело лишь с теми, кто обладал силой.

– У меня к вам, Михаил Соломонович, есть предложение.

– Слушаю, Антон Ростиславович.

– Предложение деликатное и затрагивает государственные интересы.

– Каким образом мои скромные возможности могут коснуться государственных интересов?

Хрустальный прицел так метил в Михаила Соломоновича, будто Светоч сомневался: стоит ли продолжать разговор? Не лучше ли его прервать, направив в переносицу Михаила Соломоновича раскалённый лазерный луч.

– Мне нужна женщина, окончившая «Школу эротических таинств».

– Вам, Антон Ростиславович? Вам нужна развратница, способная превратить вас в животное?

– Не меня, – оборвал Светоч. – Эта женщина должна очаровать и увлечь за собой важную персону, занимающую влиятельный пост в государстве. Женщина должна увести персону в специально подготовленные апартаменты с видеокамерами. Она должна превратить персону в животное. Камеры зафиксируют это превращение. Вы передадите запись мне.

Михаил Соломонович торопился в отпущенную секунду уразуметь, что сулит ему это предложение. Не сулит ли гибель, как свидетелю преступления, которого устраняют преступники? Или его ожидает невероятный взлёт, рывок в восхитительную неизвестность, куда устремляет его таинственное влечение?

– Ваш ответ, Михаил Соломонович?

– Превращение человека в животное требует немалых усилий. Но ещё больших требует обратное превращение животного в человека. Человек обращается охотно и быстро, а возвращается себе людской вид медленно и неохотно. Это похоже на быстрое погружение водолаза и медленное всплытие. Чтобы тот не умер от кессонной болезни.

– Итак?

– У меня есть такая женщина, Антон Ростиславович. Когда она понадобится?

– Завтра состоится закрытый раут в Доме приёмов Министерства иностранных дел. Там окажется означенная персона. Женщина будет допущена на приём. Они познакомятся, и эскортница, забрав жертву, поедет с ним в квартиру на Патриарших прудах. Там уже установлены камеры.

– Можно узнать, Антон Ростиславович, почему вы обратились ко мне? Ведь у службы безопасности есть подобные женщины, натасканные на влиятельных иностранцев.

– Дело слишком деликатное, чтобы поручать его службе безопасности. Инициатива исходит от меня лично. А значит, от государства.

– Можно узнать имя персоны?

– Анатолий Ефремович Чулаки.

Это имя прозвучало, как треск расшибаемого в щепы полена. Чулаки олицетворял государство. Из рыжих веснушек на его надменном лице, как из семени неведомых сорняков, произросло Государство Российское. Его крепкие властные руки закрывали заводы, пускали на переплав крейсера и подводные лодки, подписывали дарственные, делавшие миллиардерами мелких торговцев, спалили дотла парламент, пожимали холёные, в перстнях, длани европейских аристократов, открывали без стука двери масонских лож, усадили Леонида Леонидовича Троевдова в президентское кресло. Анатолий Ефремович Чулаки был приближен к Президенту так тесно, что казалось: Президент повторяет его высказывания, подражает жестам.

Весной на белых пухлых щеках Президента высыпали рыжие веснушки, как марципаны на вкусных булочках. И теперь Светоч готовился устранить Чулаки, а это значит, что в глубинах власти побежали трещины, государство ожидают трясения, от которых упадёт и разобьётся

посуда во многих буфетах мира. Михаил Соломонович становился причастным к этим будущим потрясениям. Но это не пугало его, а пьянило. Его вовлекали в русскую свистопляску, в которой еврею всегда отыщется место.

– Вам показать женщину, Антон Ростиславович?

– Нет, нет. Принесите видеозапись.

– Могу я сопровождать женщину в Дом приёмов, чтобы контролировать её действия?

– Разумеется.

Уже прощаясь, Михаил Соломонович вспомнил Лану Веретенову в синем платье, возникшую в дверях кабинета и похожую на ожившую в киоте икону. И отдельно вспомнил сверкнувшую из шелков её ослепительную лодыжку.

Глава вторая

Женщиной, которую Михаил Соломонович предлагал в услужение Светочу, была проститутка Алла, носившая псевдоним «Мерлин». Она и впрямь походила на Мерлин Монро, когда белокурая синеглазая красавица пугливо схватила подол уносимого ветром платья, и влюбчивый президент Кеннеди полюбил её безоглядно. Снайперская пуля, разорвавшая сердце президента, пробила медальон с портретом красавицы.

Проститутка Алла имела чудесное целомудренное лицо тургеневской барышни, пленявшее немолодых развратных миллионеров. На её белой нежной коже несмело проступал румянец, как тихое свечение наливного яблока. Такое – хочешь сорвать и надкусить, изведав душистую сладость. Её пшеничные волосы были уложены так, что каждый волосок казался крохотной струйкой света. Синие глаза радостно изумлялись и счастливо смеялись, когда к ней тянулась корявая, с жёлтоватыми ногтями рука старика, его бесцветные пепельные губы. Она одевалась в лучших бутиках, умела ставить ногу на высоком каблуке так, что волна бежала по её чудесному телу, колыхала грудь, плечи и замирала на шее у подбородка с пленительной ямочкой. Духи, которыми она пользовалась, были то горькие и печальные, то сладкие и пряные. Их запах был то едва уловим, как дуновение пролетевшего над цветком ветерка, то подобен удушающему аромату тропического сада, от которого мужчина пьянеет и бессильно замирает, как бронзовый жук на белом соцветии.

Алла была изделием Михаила Соломоновича, как драгоценная чаша является изделием стеклодува. Он разглядел её среди голодных провинциальных девушек, выходящих из вагонов на московских вокзалах, нелепых, немых, нечесанных, одетых в жёлтое, красное, синее, как попугаи. Их тут же расхватывали сутенёры, водили по московским дворам, куда ночами подкатывали тяжеловесные иномарки, и накаченные братки в свете фар расхаживали среди голоногих дев, заглядывали им в рот, щупали грудь, хлопали по бёдрам и ягодицам. Грузили всем скопом в машину и увозили в ночные бани, оставляя в опустелых, пропахших мочою дворах одну или двух замарашек.

Михаил Соломонович отловил Аллу в одном из таких дворов, как отлавливают породистую, запаршивевшую кошку. Отмыл, приодел, пропустил через салон, стал включать в третьестепенные эскорты. Осторожно дрессировал, наблюдая растущий спрос на неё у состоятельных клиентов. Пошёл на немалые траты. Обучил хорошим манерам, уменью владеть столовыми приборами. Избавил от провинциального говорка, дал несколько уроков английского. Определил в «Школу эротических таинств», где её обучали немецкие мастерицы истязаний, тайские искусницы смертельных ласк, хакасские колдуньи, учивших воплям тростниковой кошки, вою марала, клёкоту разгневанной орлицы. И скоро к воротам роскошной загородной виллы подкатывала дорогая машина, из неё вставала бесподобная Мерлин в норковой шубке, с чарующей улыбкой проплывала мимо охраны в великолепные чертоги хозяина, затворялась в них, и охранники с изумлением слышали из опочивальни хозяина крик тростниковой кошки, жаркий рёв марала, клёкот терзающей добычу орлицы.

Как стеклодув, сотворивший чудесную чашу, подносит её к устам, вкушая сладкий напиток, так Михаил Соломонович услаждался красотой Аллы, влюблялся в её прелестную и порочную женственность. Она угадывала притаившиеся в нём побуждения, извлекала из глубин его сумеречные мечтания, и он поражался богатству переживаний, которые, если бы не она, так и остались запечатанными в тёмных глубинах его естества. Должно быть, так фокусник раскрывает чёрный сундук, и из него вылетает множество сказочных птиц, ошеломляя волшебным опереньем.

Этой влюблённости не мешали её походы в одиночку или в составе эскортов. Она возвращалась утомлённая, иногда с синеватыми отпечатками чужих пальцев. И он, обнимая её тёплую талию, воображал, сколько мужчин недавно касалось её чудесной кожи.

Свои отношения с Аллой Михаил Соломонович превратил в забавный театр, где они играли роли жены и мужа. Эта игра веселила обоих, но иногда ему казалось, что он может заиграться.

Теперь, вернувшись из Кремля в свою фешенебельную квартиру у Хамовников, он ждал к себе Аллу. Для одинокого мужчины, редко бывавшего дома, квартира была избыточно велика, с излишком комнат и ванн. Прислуга поддерживала безупречную чистоту. На столе в гостиной стоял в стеклянной вазе букет алых роз. Солнце дрожало в вазе, розы чуть слышно пахли оранжереей. У дивана на полу лежала пятнистая шкура жирафа с разбросанными ногами и плоской шеей, над которой возвышалась маленькая голова с трогательными рожками.

В кабинете стол был пуст, за ним редко работали. В застеклённом книжном шкафу полки были наполовину пусты. В спальне на просторной кровати поверх покрывала лежали персидские ковровые подушки с чёрно-красным узором. Над кроватью в раме висел масляный холст. Рыжее пшеничное поле, бирюза реки, далёкая деревня в тучных садах. Михаил Соломонович купил холст в Париже на развале. Московские друзья утверждали, что это Ван Гог, даже дали пейзажу название: «Пшеничное поле возле Оверна». И было странно, что незнакомая женщина в синих шелках Лана Веретенова знает о существовании холста, знакома с его названием.

Михаил Соломонович в прихожей сменил деловой костюм на домашнюю блузу. Два раза пальцами скользнул по вискам, поправляя причёску. Повесил малиновый галстук в платяной шкаф рядом со множеством других галстуков, разноцветных, как крылья бабочек. Стал ждать Аллу, размышляя о недавнем предложении Светоча. Ему не открывалась тайна замысла, но было ясно, что предстоял взлёт судьбы. На его ладони была намечена ещё одна линия. Он стал рассматривать свою широкую, хорошо промытую ладонь, желая обнаружить среди привычных линий ещё одну.

Алла сбросила у порога туфли, босиком пробежала по гостиной, встала на шкуру жирафа и, приставив к темени пальцы, смешно изобразила рожки. Её полупрозрачное платье взвилось, обнажая колени, и она, ловя подол, повторила бессмертный жест Мерлин Монро, за который её полюбил Кеннеди.

– Муженёк, соскучился по своей Аллочке? А уж я как соскучилась! Знаешь, кого встретила? Нину Поленову! Ну ты, у которой глаза зелёные, и ты говорил, что боишься русалок, потому что они щекотят?

– Это та, что вышла замуж за чешского посла и уехала в Прагу? Говорят, его нашли в ванной, он умер от щекотки.

– Почему ты не любишь моих подруг? Я люблю всех твоих друзей, с которыми ты меня знакомишь. Даже этого Муэляна, профессора права. Он говорит так нудно, что в его присутствии вянут цветы. Ах, какие дивные розы в вазе! Совсем как те, что ты подарил мне в Ницце!

– Это было во вторую годовщину нашей свадьбы. К причалу подошёл американский лайнер «Колумбия», и ты сказала: «Он огромный, как город».

Михаил Соломонович наслаждался импровизацией. Не было никакой Нины Поленовой, чешского посла, умершего от щекотки. Не было профессора Муэляна, Ниццы и лайнера «Колумбия». Был домашний театр, в котором они играли роли и оба тешились игрой.

– Ну, а как себя чувствует наш маленький Николя? – Михаил Соломонович обнял Аллу за талию и подумал, сколько сладострастников обнимало её. – Ему не скучно у бабушки? Не обижайся, жёнушка, но твоя мать замучила Коленьку уроками французского. Дети хотят прыгать, кричать, драться. Не отдать ли его в детскую боксёрскую секцию?

– Не говори глупости! В прошлый раз ты учил его своим зверским приёмам. Ко мне приходила соседка. Жаловалась, что наш Коленька поколотил её Федю. Отдадим его лучше в шахматную секцию.

– Одно другому не мешает. Анатолий Карпов дал шахматной доской по башке Гарри Каспарову, так что тот сдался.

– И как это называется?

– Принуждение к миру.

Не было сына Коленьки и соседского Феди. Анатолий Карпов не бил по голове Гарри Каспарова. Всё было выдумкой, весёлой игрой. Но Михаил Соломонович заметил, как блеснули слёзы в бирюзовых глазах Аллы, когда она говорила о несуществующем сыне.

– Я хочу подарить Николая саксофон. Когда-нибудь он сыграет нам блюз, под который мы танцевали с тобой на открытой веранде в Сан-Диего. Саксофонист был чёрный, в красной блузе. Подушечки пальцев, бегавших по кнопкам, были белые. Саксофон струился в его руках, как таинственное морское животное. Мы состаримся, будем сидеть в плетёных креслах, а наш взрослый сын будет играть нам блюз.

– Да, да, так и будет, – Алла тихо плакала. Михаила Соломоновича волновали её слезы. Он осторожно стянул с её плеча платье и поцеловал тёплое вздрагивающее плечо.

Они стояли в душе, и текущая вода делала их стеклянными. Её пшеничные волосы намокли, стали, как тёмное золото. По губам бежала вода, и он целовал эту розовую бегущую воду. Она подняла ногу и перенесла через край ванны, и он любовался плавным движением её ноги. В спальне он сбросил на пол персидские ковровые подушки и уложил её, мокрую, на покрывало.

– Жёнушка моя драгоценная!

Они лежали без сил, не касаясь друг друга. Он видел сквозь открытую дверь в гостиной букет роз. Солнце играло в стеклянной вазе. Михаил Соломонович испытывал блаженное забытьё. В его сознание упал огненный метеорит, выплеснул все мысли и чувства, и обнажилось дно с таинственными существами, никогда не всплывавшими на поверхность. Михаил Соломонович рассматривал их, как рассматривают на высушенном дне диковинные раковины.

– Михаил Соломонович, хочу вам сказать, – Алла коснулась его. Он не ответил. В его руках была перламутровая раковина, свёрнутая в спираль. Хотелось разглядеть, есть ли внутри жемчужина, успеть, пока расплесканные воды не вернулись и не скрыли диковинных обитателей дна.

– Михаил Соломонович, хочу сказать.

– Говори, – раковина выпала из рук, вода возвращалась. Диковинные сущности скрывались в глубинах сознания.

– Я собираюсь уйти. Мне невыносима эта работа. Я смертельно устала. Мне отвратительны эти извращения, которым вы меня отдаёте. Ещё немного, и я удушу кого-нибудь из этих павианов.

– Куда ты хочешь уйти?

– Не знаю. Сначала просто уйду. Уеду, скроюсь в каком-нибудь захолустье, где меня не найти. Отмоюсь, отдышусь. Быть может, пойду послушницей в монастырь, отмаливать свои грехи. А потом устроюсь на скромную работу. Выйду замуж за простого доброго человека, пусть будет школьный учитель, или шофёр, или электротехник. Рожу сына и назову его Коля. Устроюсь на работу хоть воспитательницей в детском саду, или продавщицей, или буду разводить цветочки и продавать. Отпустите меня, Михаил Соломонович!

– Я тебя не держу. Ты свободная женщина. Но подумай, сможешь ли ты жить в захолустном городке, рядом с шофёром, продавая в магазинчике лежалую колбасу и просроченные йогурты? У тебя дорогая машина, великолепные туалеты, бриллиантовые серьги, меха. Ты садишься на самолёт в бизнес-класс и оказываешься во дворце на Персидском заливе. Или

на вилле у швейцарского озера Камо. Да, тебя окружают павианы. Но павианы в генеральских погонах, в министерских чинах, с банковскими счетами в миллионы долларов. Тебе очень скоро наскучит твой шофёр и твой прилавок.

– Я понимаю, Михаил Соломонович, вы много для меня сделали. Кем я была? Провинциальной дурочкой, мечтавшей стать киноактрисой. Приехала в Москву поступать в театральный. Вы отыскиали меня, превратили в светскую даму, озолотили, закутали в меха. Я знаю английский язык. Могу сыграть великосветскую львицу, или разведчицу, или богатую вдову. Но, Михаил Соломонович, я хочу быть просто женщиной. Иметь семью, детей. У меня ещё есть для этого силы и время. Отпустите меня.

– Ты не можешь так просто уйти. Я слишком много вложил в тебя. Ты моя гордость, мое богатство. У нас общее дело, и в этом деле у меня львиная доля.

– Я всё равно уйду! Берите мою машину, квартиру, меха, бриллианты! Всё ваше! Пусть голая, но ухожу!

– Как раз голая ты мне и нужна.

– Уйду! Сейчас поднимусь и уйду! Сменю имя, изуродую лицо! Лишь бы не быть с вами!

– Я тебя найду в твоём захолустном городке. Пусть в детском саду узнают, кем была их воспитательница. Пусть добрый шофёр узнает, какая верная целомудренная ему досталась жена. Пусть в местной газетёнке появится фотография, где ты, голая, танцуешь в замке кавказского сенатора.

– Ненавижу! Ненавижу! – Алла замахнулась на него, но он перехватил её руку, сжал запястье.

– Больно! Отпусти!

Он сжал сильнее.

– Отпусти, больно же! Тебе говорю!

Он сжал что есть силы.

Она закричала. Стала визжать, ругаться. Её сквернословие было ужасно. Грязные слова выпрыгивали из неё. Они были в ней всегда. Она училась им в грязных подворотнях. Училась им во время пьяных драк и мерзких насилий. Михаил Соломонович слушал с наслаждением. Отпустил её руку. Его лицо стало белым. Чёрные глаза под угольными бровями горели. Губы стали ярко-красные. Лицо превратилось в намалёванную театральную маску. Алла кричала, била его. А он целовал её, выдыхая:

– Ещё! Ну, ещё!

Оттолкнул от себя. Она бурно дышала. Он видел, как дрожат её рёбра.

– Слушай меня, Мерлин. Сейчас я скажу нечто важное. То, что ты сделаешь, будет не работой. Будет служением.

Алла молчала. Рёбра продолжали дрожать, но дыхание стало тише. Она услышала в голосе Михаила Соломоновича стальной беспощадный звук, какой издаёт пистолет, направляя патрон в канал ствола. Михаил Соломонович иногда доставал из-под мышки пистолет, переде́ргивал затвор, и Алла знала этот звук отполированной стали.

– Что я должна?

– Завтра ты совершишь поступок, который может изменить судьбу государства.

– Что я могу?

– Иногда одна проститутка может больше, чем воздушная армия.

– Я не воздушная армия.

– Завтра ты наденешь вечернее платье, то, тёмно-зелёное, с вырезом на спине, чтобы были видны играющие лопатки и желобок, уходящий к копчику. Пусть твои волосы будут, как пшеничное поле, но не возле Оверна, а возле рязанского села Константиново, где родился Есенин. Тебя отвезут на приём. Там сойдутся дипломаты, финансисты, разведчики. Ты представишься актрисой театра Вахтангова, и тебя подведут к господину по имени Анатолий Ефремо-

вич Чулаки. Ты уедешь с ним на квартиру у Патриарших прудов, проведёшь ночь. Превратишь его в животное, а потом вернёшь ему человеческий облик. И так много раз, пока он не покроется шерстью. Когда он, обросший шерстью, забыв одеться, сядет в правительственную машину с мигалкой, можешь принять душ. Ты меня поняла, Мерлин?

– Да, – чуть слышно ответила Алла.

– Я буду на приёме и стану за тобой наблюдать.

– Да, – покорно сказала она.

Михаилу Соломоновичу стало жалко её. Он устыдился своего холодного бессердечия. Ему захотелось сказать ей что-нибудь радушное, нежное.

– Жёнушка моя ненаглядная. Мы с тобой венчались в храме Успенья у Никитских ворот. Там венчались Пушкин и Натали. Но тогда мы не обменялись обручальными кольцами. Теперь хочу обменяться. Но сделаем это так, чтобы запомнилось на всю жизнь.

– Как?

– Мы поедем на Северный полюс. Там земля соединяется с Космосом. Поставим на льдине свадебный стол, вазу с букетом алых роз. Я надену золотое кольцо на твой чудесный палец, а ты наденешь на мой. И пусть Космос будет свидетель этого таинства. И Вселенная возрадуется нашей любви. Поедешь на Северный полюс?

– Поеду, мой муженёк. Пусть льдина будет ослепительно белой, розы ослепительно красные, кольца блестят под негасимым полярным солнцем, и в нашей с тобой жизни будет вечный день!

Глава третья

Дом приёмов располагался в особняке с готическими окнами, напоминал маленький средневековый замок, утопавший в садах. В жарких московских сумерках к стрельчатым воротам подкатывали сверкающие автомобили. Из них поднимались дипломаты в чёрных пиджаках, офицеры и генералы в мундирах, сановники с торжественными лицами. Исчезали в чугунных воротах. Стражи перекликались по маленьким чутким рациям.

Михаил Соломонович назвал свою фамилию, внимательный привратник отыскал его в списке, и Михаил Соломонович был пропущен в ворота.

Приём проходил на воздухе в саду. Пахло розами. Фонари светили сквозь листву. Вокруг фонарей летали ночные белые бабочки. Казалось, близко за деревьями скрывается море с лунной дорожкой. Гости с бокалами шампанского расхаживали по саду. Бабочки, то одна, то другая, покидали фонарь и слетали к гостям, садились на чёрные пиджаки, золотые погоны, сияющие седины и лысины.

Михаил Соломонович, сжимая хрупкую ножку бокала, двигался среди гостей, раскланивался, обменивался улыбками и рукопожатиями, как если бы встречал знакомых. Ибо здесь все были знакомы или делали вид. Каждый пребывал в движении, совершал по саду эллипсы и круги. Поклон, две-три фразы, любезность, шутка, и снова круговое движение, где все хоть на мгновение касались друг друга. Шло опыление, пестики встречались с тычинками, рождались завязи, и плод мог обнаружить себя в международном скандале, в громкой отставке, в неожиданном назначении или в банкротстве известного банка.

Михаил Соломонович чувствовал, что в этих касаниях сталкивается множество дипломатических интриг, разведывательных комбинаций, финансовых схем, аппаратных ухищрений. И он уже помещён в одну из этих интриг. Его осыпала клейкая пыльца, и он несёт в себе завязь.

– Боже мой! Как я рад встрече! Нам нужно чаще видеться! – на него наскочил полный господин с шустрыми глазами, чокнулся шампанским. – Как поживает Роман Андреевич?

– Прекрасно. По-прежнему бодр, предприимчив, – Михаил Соломонович не стал разочаровать господина признанием, что тот обознался.

– Роман Андреевич находка для департамента! – господин ещё раз чокнулся и устремился к проходящему генералу.

Михаил Соломонович раскланялся ещё с одним гостем. Лысый костлявый, череп с жёлтоватыми пятнами, запавшие большие глаза, тощий кадык, под которым изящно чернел бархатный галстук-бабочка.

– Вы прекрасно играли в последнем спектакле, – произнёс господин. – Я хотел было пройти за кулисы, но не решился помешать вашему триумфу.

– Напрасно. Я очень дорожу вашим мнением. У нас мало истинных театралов, – господин удалился, а Михаил Соломонович так и не вспомнил, в каком театре и на каком спектакле случилась их встреча.

Все умолкли, перестали чокаться, обратились к особняку, откуда выходили министр иностранных дел Клёнов и его африканский коллега министр Центрально-африканской Республики Мкомбо. Министр Клёнов был очень худ, сутул. Тяжёлая голова слабо держалась на длинной шее. Руки жестикуют порой невпопад словам, и тогда министр умолкал, приводя в соответствие слова и жесты. Он был похож на богомола. Его длинные конечности, смуглое лицо с ослепительными вставными зубами внушали симпатию.

Африканский министр Мкомбо был молод. Круглое лицо, большие мягкие губы, яркие белки и розовый язык, который вдруг появлялся, когда министр смеялся. На его щеке виднелся длинный шрам. Михаил Соломонович знал, что в африканских племенах такие надрезы дела-

ются заточенными кромками морской раковины, когда юноша проходит инициацию. Министр Клёнов и его африканский гость встали под фонарём, светившем в зелени дерева. Из листвы выпала бабочка, присела на щёку африканца, белая на бархатно-чёрном, и министр бережно смахнул её тонкими пальцами. Остальные гости не приближались, не смея помешать их беседе.

Под деревьями появился виолончелист. Заиграла музыка, лёгкая, летучая, какая звучала на венских балах. И под эту музыку в кругу гостей появился Анатолий Ефремович Чулаки.

Михаил Соломонович впервые мог близко созерцать это надменное, с приподнятым подбородком лицо, крепкий, с большими ноздрями, нос, розовый двойной подбородок, рыжие, небрежно подстриженные волосы и множество мелких красноватых веснушек, похожих на сыпь. Чулаки остановился, сюртуки и мундиры потянулись к нему. Чулаки холодно кланялся, пожимал руки. Не принял от официанта шампанское. Отстранил почитателей и прошёл к фонарю, под которым беседовали два министра. Прервал их разговор, и было видно, как в ответ на его приветствие заулыбался африканец, замелькал его розовый язык.

Михаил Соломонович чувствовал исходящую от Чулаки железную силу. Эта сила гнула в поклонах спины, оставляла вмятины в репутации, громила оппозицию, воздвигала новых лидеров. Эта железная сила привела к власти Президента Троевидова, она спалила мятежный Дворец Советов, передавала русские нефть и газ английским и американским компаниям, пускала американскую разведку в русские секретные центры.

И теперь этому всеильному повелителю грозила напасть. Михаил Соломонович готовил эту напасть. Затея была смертельно опасной. Ещё не поздно достать телефон и остановить Аллу, а самому незаметно ускользнуть и остаток вечера провести в баре «Комильфо», где собираются художники и актёры. Попивая любимый «Мартини», выслушивать дурацкие шуточки.

Оба министра вышли из-под фонаря и отправились в особняк. Белые бабочки летели за ними, стараясь присесть на бархатистую щеку африканца, словно из пор его чёрной кожи выделялся душистый нектар.

Чулаки окружили гости, и он уделял каждому полминуты, а потом отдалял, открывая доступ другому, пока не уединился с седовласым гостем, похожим, как подумал Михаил Соломонович, на лорда.

Михаил Соломонович беседовал с господином, который представился профессором Института стран Азии и Африки. Михаил Соломонович назвался артистом Вахтанговского театра, и собеседник вспомнил спектакли, где видел Михаила Соломоновича.

– Коммунисты шли в Африку с Марксом и автоматом Калашникова. С чем пойдём мы? Россия должна найти свой подход, понятный африканцам, – рассуждал собеседник.

– Мы пойдём в Африку с Пушкиным, – Михаил Соломонович приподнял бокал, будто произносил тост. – Пушкин – африканец. Африка подарила нам Пушкина. Тот создал язык, которым Господь Бог говорит с русским народом. Теперь Россия возвращает Пушкина африканцам. Пушкин несёт им «русскую идею» вместе с громом тамтамов, которые гудели в крови поэта.

– Как вы сказали? – изумлённо воскликнул профессор. – Тамтамы в крови Пушкина? Над этим надо подумать! В этом есть глубокий смысл!

Михаил Соломонович, продолжая пояснять свою мысль, медленно приближался к Чулаки, увлекая за собой профессора. Когда тот, насыщенный фантазиями о тамтамах, удалился, Михаил Соломонович оказался так близко к Чулаки, что мог слышать его разговор с седовласым лордом. Разговор вёлся на английском. Михаил Соломонович, зная английский, мог понимать разговор.

– Вы, Анатолий, полагаете, что всё так серьезно? Вы действительно считаете, что Россия удаляется от Запада?

– Вам на Западе видна витрина России. Я создавал эту витрину, надеясь, что она прорастёт вглубь и станет сущностью новой европейской России. Но я просчитался. В Русской истории существует грибница, которую не в силах вырвать любые реформы. Грибница на время замирает, но потом оживает, и на ней вырастает очередной имперский гриб. Президент Троевидов собирает вокруг себя сторонников имперской России. Они ему кружат голову. Мне всё труднее оказывать на него влияние. Мои единомышленники подвергаются давлению. Не исключаю, что в ближайшее время Россию ждут перемены.

Чулаки заметил стоящего рядом Михаила Соломоновича и недовольно отошёл, увлекая седовласого лорда.

Михаил Соломонович старался угадать: кто эти люди, что выращивают имперский гриб? Какое давление испытывает всемогущий Чулаки и его единомышленники. Как ломтик подслушанного разговора связан с секретной операцией, в которую вовлечён Михаил Соломонович. И не перетрут ли его в щепотку муки жернова, которые скоро закрутятся на вековечной русской мельнице.

Он испытал панику. Извлёк телефон, собираясь остановить Аллу, запретить ей появляться на приёме. Но она уже появилась.

Единственная женщина среди мужчин, она своим появлением обожгла их всех. В тёмно-зелёном вечернем платье она казалась ослепительной. Бирюзовые глаза смотрели с наивным восхищением, словно она была счастлива видеть этих дипломатов, офицеров, сановников. Её молодые розовые губы чудесно улыбались, и эта улыбка была для всех, и каждый считал эту улыбку своей, и каждый, награждённый этой улыбкой, хотел к ней приблизиться. На спине платье распадалось, и в длинном вырезе играли лопатки. В желобке, пробегавшем вниз от лопаток, лилась струйка света. Струйка бежала и скрывалась в глубине выреза. Алла медленно шествовала, драгоценная струйка переливалась. Все, мимо кого она проходила, замороженно смотрели на струйку, на играющие лопатки, на пшенично-золотые волосы, не скрывавшие чудесную шею.

– Кто это, вы не знаете? – с волнением спросил Михаила Соломоновича молодой генерал, чей мундир украшало множество орденских колодок, свидетельство множества подвигов, которые совершил генерал.

– Ну, как же! Это артистка Елена Протасова, из Вахтанговского театра. Она играет главную роль в «Принцессе Турандот».

– Действительно, принцесса! – сказал генерал.

Алла выступала, словно была на подиуме, медленно, плавно, одаривая улыбкой, небрежными поклонами. Позволяла любоваться собой, любить себя, окружённая обожателями, которые преданно следовали за ней. Она вела их под фонарями по таинственным эллипсам и кругам, и ночные бабочки сыпались сверху, садились на её золотые волосы и белые плечи.

Михаил Соломонович восхищался ей, зная, что ему принадлежат эти розовые губы, белые плечи. Он незримо управляет плавными движениями её ног, поклонами, поворотами прекрасной головы на белоснежной шее. Так управляют беспилотной моделью, пуская по эллипсам и кругам, ввергая в эти круги опьянённых зрителей – дипломатов, генералов, разведчиков. Михаил Соломонович был в возбуждении, какое испытывает режиссёр во время премьеры. Ему принадлежат сцена, актёры, зрители, музыка, мерцание люстры, позолота лож и чудесный взмах пленительной женской руки.

Алла прошла в стороне от Чулаки, повернулась к нему спиной, чтобы тот увидел волшебную струйку света, стекающую вниз по ложбинке. Алла удалилась, и Чулаки последовал за ней, минуя других гостей, так, чтобы была видна волшебная струйка на голой спине, исчезающая среди тёмно-зелёного шёлка.

Алла не оборачивалась, пила шампанское, любезничала с африканским послом, играла лопатками. Чулаки следовал за ней. Она видела, что он преследует её. Смеялась, запрокиды-

вая голову, так что волосы ложились на плечи. Её лопатки дрожали от смеха, перламутровая струйка бежала по спине.

Михаил Соломонович увидел, как Чулаки подошёл к Алле, поклонился, поцеловал руку. Она милостиво задержала свою ладонь в его обожающих пальцах. Михаил Соломонович успокоился. Он вывел управляемую модель к цели и мог отключить управление, перевести модель в автономный полёт. Он ещё следил за ними, вступал в мимолётные беседы с гостями. Гостей становилось меньше. За воротами голос в мегафон подзывал машины. Михаил Соломонович видел, как Алла и Чулаки исчезли в воротах, сверкающий автомобиль мелькнул в стрельчатой арке и скрылся.

Михаил Соломонович, завершив «операцию внедрения», собирался покинуть Дом приёмов, чтобы завтра утром посетить конспиративную квартиру на Патриарших прудах и извлечь потаённую запись. Он действовал, как секретный агент секретного центра, и был преисполнен служения. Уже уходил, когда из тенистых деревьев в свет фонаря вышла женщина. Полыхнуло её ярко-малиновое шёлковое платье, блеснула улыбка:

– Михаил Соломонович, уже уходите? – то была Лана Веретенова, её удлиненное, с тонким носом лицо, маленький пунцовый рот, тёмные глаза, которые, увидев Михаила Соломоновича, стали огромными и тут же сощурились, полные льющегося из деревьев изумруда.

– Лана? Вы? – Михаил Соломонович повёл взгляд от её обнажённого плеча к подолу шёлкового вечернего платья. Но оно легло волной, скрыв туфлю и лодыжку, и счастливого ослепления не случилось. – Как вы здесь оказались?

– Меня пригласил министр Клёнов. Иногда я его консультирую.

– Вы специалист по Африке?

– А также по Азии, Европе и Латинской Америке. Как, впрочем, и вы, Михаил Соломонович.

– Ну что я знаю о мире? Скромный московский предприниматель.

– И ходите на рауты в резиденцию министра иностранных дел? Вы приглашаете в свою «Школу эротических таинств» колдунью из Мексики, врачевательницу из Таиланда, собирающую пьянящих трав из Мозамбика. «Школа эротических таинств» – департамент Министерства иностранных дел?

– Скорее, Министерство – мой департамент! – Михаил Соломонович засмеялся. Ощущал опасность, исходящую от красавицы с колдовскими глазами, способными пугающе расширяться, как у ясновидящей. Смуглая, с чёрными волосами, в малиновом платье, она была ворожея. Такие ворожеи водились в античных городах Средиземного моря и гадали на раковинах и акульих зубах. Она была опасна.

– Вы водите знакомство с могущественными людьми, такими, как министр Клёнов и Антон Ростиславович Светлов. Это приближённые Президента. Может быть, вы вхожи к Президенту?

– «Вхожа» – громко сказано. Но несколько раз я у него была.

– Чем же вы полезны Президенту и его сподвижникам?

– Я гадалка. Предсказываю будущее. Даю советы. Помогаю принять верное решение. При дворах всегда были гадалки. Они были у Николая Второго, у Ленина, Сталина, у Ельцина. Леонид Леонидович Троевидов – не исключение.

– Все важнейшие государственные решения принимаются после консультации с вами?

– Полагаю, что некоторые. Сначала я угадываю последствия принимаемого решения, а потом его утверждают органы власти. От некоторых решений я предостерегаю. На других настаиваю.

– Выходит, вы своими советами определяете политику государства и ход самой истории?

– Вы проницательны, Михаил Соломонович. Историю творят гадалки при дворах императоров и вождей. Существует Всемирный совет гадалок. Мы собираемся со всего света на ост-

ровке в Саргассовом море и вырабатываем Образ Будущего, рассылая его Президентам земного шара.

Лана смотрела на изумлённого Михаила Соломоновича, глаза её стали огромными, а потом сузились, и в них отразилась шёлковая белизна пролетевшей ночной бабочки.

Михаил Соломонович и Лана смеялись. Михаил Соломонович почти поверил ей и теперь смеялся вместе с Ланой, видя, как на её удлинённом средиземноморском лице переливается свет фонаря.

– На чём же вы гадаете?

– На картах, на тучах, на зерне, на морозном узоре, на скрипах калитки, на лунной тени, на крике совы, на шелках, на холстах, на пьльцах, на кольцах, на лягушачьих лапках, на мышинных хвостах, на ромашках, на розах, на каменных львах, на церковных куполах, на водорослях, на раковинах, на ветре, на течении, на заморозках, на присказках, на притолоках.

– На половицах, на горшках, на ухватах.

– На ступах, на мётлах, на курьих ножках.

– На козьих рожках, на ложках и сороконожках.

– На ночных белых бабочках, которые садятся на головы избранников, летят на свет их будущей славы! – Лана махнула рукой, отгоняя бабочку от головы Михаила Соломоновича, куда бабочка собиралась присесть.

Они снова смеялись. Ему стало легко. Они были похожи – смешливы, игривы, болтливы. Сыпали словами, летучими ворохами, в которых весело барахтались и кувыркались, как в копнах зеленого сена на лугу. В детстве, на даче, он прибегал на луг и зарывался в душистые ворохи.

– Что заботит Президента? Что вы насоветовали Антону Ростиславовичу Светлову?

– Это государственная тайна. Гадалки умеют хранить тайны. Среди этих тайн есть ужасные.

– Вы не боитесь хранить государственные тайны? Гадалок после их гаданий убивают.

– Убивают и тех, кому они гадают. Если те не внемлют предсказаниям. Так было с царем Николаем, с Кеннеди, с Гитлером. Внимайте предсказаниям гадалок, Михаил Соломонович.

Он опять испугался. Не углядел в этой ведунье приманку, которую ему подбросили. Её подослали к нему, как он подослал Аллу к Чулаки. Чулаки опьянел, увидев перламутровую змейку, скользнувшую по спине Аллы, а Михаил Соломонович ослеп от сверкнувшей из-под шёлка лодыжки. Думал об этой лодыжке, мечтал её целовать. И надо очнуться, весело пошутить, раскланяться и уйти, оставив черноволосую ведьму среди магических фонарей и мистических бабочек.

– Хотите я вам погадаю, Михаил Соломонович?

– Уж лучше не знать своей доли, жить вслепую, – он отмахнулся, желая уйти.

– Дайте руку, Михаил Соломонович, – Лана схватила его руку и удержала, когда Михаил Соломонович попытался её отнять. – Постарайтесь ни о чём не думать. Закройте глаза. Представьте себя лежащим под тенистым прохладным дубом, над которым плывут медленные облака.

Она держала Михаила Соломоновича за запястье, словно слушала пульс. Под её пальцами трепетал невидимый родничок его жизни. Это был родничок его судьбы. Судьба начиналась задолго до его рождения и будет длиться после смерти.

– Вам предстоят грозные испытания, но вы их преодолеете. Перед вами будут воздвигнуты непреодолимые хребты, но вы их раздвинете. Вам предстоят столкновения с могущественными соперниками, желающими вашей гибели, но погибнут они, а не вы. Будет минута в вашей жизни, когда вы станете вершителем судеб не только России, но и мира. Ваша доля прекрасна. Вы баловень судьбы.

Михаилу Соломоновичу казалось, что он околдован. Он не мог отнять руку. Её голос был сладок. Чудесно сжимали запястье тонкие пальцы. Он пустил её в свою судьбу. Она всплыла в его судьбу не в кремлёвском дворце, не из двери, похожей на деревянный киот. Но раньше, быть может, в младенчестве, в миг зачатия, в библейские времена, когда его предки шли по пустыне, и родничок забил под посохом предводителя. Или ещё раньше, на заре земной жизни, когда на отмели тёплого моря ожила первая молекула. Или в миг творенья, когда из божественной пустоты ринулись в мир галактики, в сотворенном мире сверкали молнии, и она была молнией.

Михаил Соломонович всплывал из этого восхитительного и ужасного бреда. Лана отпустила его бессильную руку. В запястье среди сосудов и жил была продёрнута тончайшая нить, протетая колдуньей.

– И как я умру? – слабо спросил он. – «И где мне смерть пошлёт судьбина? В бою ли, в странствии, в волнах?» Расклюют ли меня орлы пустыни. Или поглотят морские гады. Или я по русскому обычаю буду лежать под образами.

– Под образами, Михаил Соломонович, – Лана повернулась и пошла в особняк с готическим крыльцом. Скользило по ступеням её малиновое платье. Михаил Соломонович пьяно побрёл к воротам.

Глава четвёртая

Ночью Михаил Соломонович просыпался, слыша, как звенит в нём таинственный родничок и в запястье дрожит тончайшая струнка, продёрнутая колдуньей. Вскочил рано и помчался на Патриаршьи пруды в конспиративную квартиру, извлекать видеозапись. Так охотник торопится осмотреть поставленный накануне капкан.

Пруд был солнечный, с зелёными отражениями. Плыл лебедь, оставляя на воде серебряный клин. Утренняя дама выгуливала на газоне моську. Жужжала косилка, пахло свежей травой. Михаил Соломонович взметнулся на лифте, отомкнул высокую старинную дверь и вошёл в квартиру. На него пахнуло духотой, духами и парным, как пахнут мясные прилавки. В комнате был разгром. Постель раскрыта, подушки сброшены на пол. Штора содрана. Осколки чашки. Распушенный, кинутый на пол мужской галстук. Мерцала бриллиантом оброненная серёжка. Казалось, по комнате носился косматый вихрь, круша мебель, обдирая стены, и унесся, оставив разоренье.

Михаил Соломонович встал на стул, потянулся к канделябре, в которой прятался глазок видеокамеры. Извлек флэшку. В маленьком пластмассовом пенале поместилась безумная ночь, и Михаилу Соломоновичу не терпелось увидеть хронику прошедшей ночи. Подобрал бриллиантовую серёжку, переступил брошенный галстук. Заторопился домой, где был компьютер. Прежде, чем начать просмотр, сделал копию и спрятал в ящик, ещё не зная, как может воспользоваться записью. Запись таила в себе силу взрыва. Теперь в ящике стола хранился динамит, способный разнести вдребезги всю его благополучную жизнь.

Он уселся перед компьютером, готовясь нажать клавишу. Зазвонил телефон.

– Михаил Соломонович, говорят из секретариата Антона Ростиславовича Светлова. Антон Ростиславович просит вас немедленно прибыть в Кремль.

– Как? Сию минуту?

– Машина вас ждёт у подъезда.

Светоч незамедлительно принял его. Протянул руку, Михаил Соломонович кинулся её пожимать, но ладонь руки смотрела вверх, и Михаил Соломонович торопливо вложил в неё флэшку. Оба уселись перед широким экраном, и Светоч запустил просмотр.

В обзор попадала вся комната. Широкая, с полосатыми подушками, кровать. Туалетный столик с трюмо. Множество флакончиков, коробочек, пудрениц. Картина на стене с обнажённой купальщицей. Алла появилась бурно, путаясь в вечернем платье, отвела назад руку приглашающим жестом, и к этой руке протянулась другая рука. Чулаки возник и стал целовать приглашающую руку, от пальцев к запястью, к локтю. Алла чудесно улыбнулась, размахнулась и ударила Чулаки в лицо. Тот отпрянул. Она ударила ещё и ещё. Он закрывался ладонями. Она сильно, вытянутой ногой нанесла удар в пах. Чулаки согнулся, а она била его ребром ладони по шее, исполняя боевой приём, коему Михаил Соломонович обучал проституток, отправляя в рискованные туры.

Запись была немой, не фиксировала звук, и всё происходило, как в немом кино. Резкие жесты, открытые в крике рты.

Избиение продолжалось. Этим избиением смирялась гордыня Чулаки, ломалась его надменная воля, привычка повелевать. Его рот раскрывался, губы беззвучно шлепали. Он умолял. Алла милостиво протянула ему обе руки. Чулаки, страхась этих рук, прильнул к ним и стал не целовать, а лизать, высовывал жадный синий язык, виляя задом. Алла сволокла с него парадный пиджак, развязала галстук. Чулаки, голый, с толстым животиком, скакал перед ней, сложив по-собачьи лапки, а она, сбросив своё тёмно-зелёное платье, держала высоко носовой платочек, и Чулаки подпрыгивал, скалил зубы, стараясь его ухватить.

Михаил Соломонович наблюдал за Светочем. Хрустальный глаз колюче мерцал. Здоровый глаз смотрел с холодным презрением.

Чулаки превратился в собаку, шла дрессировка. Алла кидала туфлю в дальний угол, Чулаки на четвереньках подбегал к туфле, хватал зубами и приносил Алле. Алла повелительно указывала пальцем на пол, и Чулаки послушно ложился, вытягивал руки, клал на них голову, похожий на покорного мопса. Алла подняла брошенный галстук, распустила узел, набросила петлю на шею Чулаки и водила его на поводке, заставляя перепрыгивать опрокинутый стул. Чулаки скакал, застревал в стуле, Алла била его ногой, понуждая продолжить прыжки. Чулаки ложился на спину, задирая ноги и руки, прося пощады. Брал с пола и поедал комочки мусора. Обнюхивал ноги Аллы и заискивающе, снизу вверх, смотрел, облизываясь. Она садилась на него верхом, и он катал её по квартире, а она била его голыми пятками. Чулаки лаял, кусал ей ноги, грыз пол. Зверь, спрятанный в нём глубоко, был извлечён наружу. Чулаки оброс шерстью. У него вылезли клыки и когти. Он огрызнулся на Аллу, кусал, гонялся за ней по квартире. В ярости схватил зубами и сорвал занавеску. Сбросил со стены картину с купальщицей. Подбежал на четвереньках к кровати, задрал ногу и сделал лужу. Алла сердилась, кричала, схватила Чулаки за загривок, нагнула и возила носом по луже. Чулаки фыркал, высовывал язык и облизывался.

Михаил Соломонович видел на своём веку извращенцев. Но Чулаки был символом власти, учреждал институты, назначал министров, вёл отсталую, сумрачную в невежестве Россию к европейскому просвещению. Слыл просвещённым европейцем. И теперь оказывалось, что все эти благие деяния совершала собака, задравшая заднюю лапу и напрудившая мерзкую лужу.

Светоч холодно смотрел представление и не выказывал отвращения. Смотрел деловито, зорко. Так опытные собаководы наблюдают собачью случку.

Алла исчезла и вернулась, несла чашку. Поднесла Чулаки, и тот стал жадно лакать. Должно быть это был настой из лесных колокольчиков, ввергавший мужчин в безумие. Алла села на кровать, бесстыдно распахнула лоно. Опоенный отваром Чулаки впал в галлюцинации. Ему чудилась огненная пещера, куда он прыгнул. Двигался в лабиринте, попадал в тупики и ловушки, кружил в подземелье. Чулаки схватывался с невидимыми врагами, катался по полу. На него налетали огромные чёрные пауки, и он, махая руками, отбивался. Его обвивали змеи, и он сдирал с себя их скользкие жалящие тела. Он подпрыгивал, словно ступал по гвоздям. Закрывал ладонями темя, будто на него лился расплавленный свинец. Выбрался из лабиринта и увидел перед собой громадную, до неба, женщину. Она подняла его и сжала коленями. Алла душила Чулаки галстуком. Они рвали простыни, расшвыривали подушки, а потом отпали, как две пиявки. Алла откинулась, свесив с кровати ногу. Чулаки лежал на полу, прижимая к волосатой груди женскую туфлю.

Съёмка оборвалась. Экран погас. В кабинете было душно, пахло мясным прилавком. Михаил Соломонович не знал, чему стал свидетелем. Светоч молчал, словно давал остыть раскалённому воздуху.

– Что мне напоминает всё это? – задумчиво произнёс Светоч. – Что-то очень знакомое.

– Это похоже на «Сон Татьяны» из спектакля режиссёра Серебряковского «Евгений Онегин». Очень спорная постановка.

– Сталин вбивал им в колени гвозди и расстреливал в Бутово. Андропов насильно выталакивал их за границу. Эти уедут сами.

Михаил Соломонович ждал пояснений этой загадочной фразы. В ней таилось грозное содержание, чудились глухие гулы близких перемен, трясения, сулившие множество бед. Беды коснутся всех и Михаила Соломоновича. Он ждал, что Светоч продолжит, но тот молча мерцал хрусталём.

– Вы, Михаил Соломонович, оказали большую услугу государству. Государство умеет ценить такие услуги.

Михаил Соломонович скромно опустил глаза.

– Мы окружены предателями и изменниками. Скоро они себя обнаружат. Государство нуждается в преданных гражданах.

– Я всегда был и остаюсь русским государственнымником. Мне отвратительны все эти «западники», предающие Родину за «чечевичную похлебку», – Михаил Соломонович плохо сознавал, кого он называл «западниками», продающими Россию за «чечевичную похлебку». Но замечание было уместно.

– Вам не нужно напоминать, Михаил Соломонович, что теперь вы владеете государственным секретом. Его разглашение является преступлением.

– Для меня это очевидно, Антон Ростиславович.

Светоч открыл красную папочку, извлёк листок бумаги, протянул Михаилу Соломоновичу.

– Вот список персон, с кем должна встретиться ваша подопечная. Надеюсь, у них у всех отрастёт шерсть. Передайте своей подопечной, что она своей жертвенностью заслуживает орден.

– Передам непременно. Она, как и я, государственныйница.

Михаил Соломонович рассматривал список персон. Это был поразительный список. Здесь значились ректор Высшей школы экономики Лео, режиссёр модного театра Серебряковский, видный публицист Формер, вице-премьер правительства Аполинарьев. И, что самое пугающее, в списке находился всемогущий заместитель главы Президентской администрации Иван Артакович Сюрлёнис. Перед ним, как и перед Чулаки, заискивали и трепетали губернаторы и чиновники высочайшего ранга.

– Все они должны покрыться шерстью? – робко спросил Михаил Соломонович.

– Можно и чешуёй, – холодно ответил Светоч. – Обдумайте и доложите последовательность проводимой операции.

Слово «операция» делало Михаила Соломоновича тайным агентом секретной службы, которую возглавлял Светоч, а быть может, и Президент. Говорили, что у Президента есть личная разведка, именуемая группой «К», то есть «Кобра». Теперь, возможно, Михаил Соломонович становился агентом «Кобры».

– Доложу о проведении операции, Антон Ростиславович.

Михаил Соломонович покидал Кремль в предчувствии грозных перемен. Под куполом колокольни Ивана Великого бежала золотая строка: «И он промчался пред полками, могущ и радостен, как бой!»

«Что-то украинское», – подумал Михаил Соломонович, садясь в машину.

Глава пятая

Он выполнял предписание Светоча, тщательно репетировал с Аллой каждую её встречу. Репетиция выглядела, как небольшой домашний спектакль с двумя актёрами в постановке Михаила Соломоновича. Он питал слабость к режиссуре.

Встреча с ректором Высшей школы экономики Лео состоялась в подмосковной усадьбе Гребнево. В сумерках парка Алла и ректор Лео, обнажённые, не ведающие стыда, как Адам и Ева в раю, бегали среди деревьев и ловили светлячков. Они купались в пруду, и Алла учила ректора Лео дышать из-под воды сквозь тростниковую трубочку. Она шаловливо затыкала трубочку пальцем, и ректор бурно всплывал, и Алла его топила. Они барахтались в пруду, расплёскивая отражение луны. Алла учила ректора квакать по-лягушачьи, и тот на четвереньках, высунув из воды голову, квакал, и с таким упоением, что ночной сторож парка метнул в него палку и подбил глаз. Утомлённые, обмотанные тиной, они лежали на берегу пруда, и на успокоенной воде сияла лунная дорожка и мерцала лягушачья икра.

С режиссёром Серебряковским встреча проходила в цеху металлургического завода. Серебряковский в театре поставил спектакль «Ад» по Данте. Там изображал муки, ожидающие депутатов Государственной думы и сенаторов. Алла раздела режиссёра, обмотала цепями и окунула в котёл с расплавленной сталью. Она положила Серебряковского на лист раскалённого докрасна железа и смотрела, как он подгорает. Вставила ему меж ягодиц шипящий автоген, и режиссёр носился, как ракета с огненным соплом. Алла сунула Серебряковского под пневматический молот и расплющила в плоскость. Поместила под пилы и раскроила. Она сверлила его, фрезеровала, снимала стружку. Превращала в коленчатый вал, в кочергу, в мотыгу, в обоюдоострый меч, перековывала меч на орало. Режиссёр вопил от наслаждения, кричал:

– Поддай! Поддай!

Алла полила его кипящим маслом, ввинтила в глазницу болт, поправила причёску, помогла одеться и проводила до проходной.

Вице-премьер Аполинарьев упросил Аллу считать его коровой. Алла, прелестная пастушка, подвязала на шею Аполинарьеву колокольчик, набросала на пол сена и стала его пасти. Аполинарьев встал на четвереньки, звенел колокольчиком и ел сено. Алла иногда хлестала его бичом, перегоняя с места на место. Аполинарьев пытался забодать Аллу, она уклонялась, бегала по комнате, совлекая с себя стеснявшую одежду, а когда корова успокаивалась, Алла начинала её доить. Надой был невелик.

Публицист Формер, едва оказался наедине с Аллой, стал изображать памятники.

Забрался на табуретку, по-ленински вытянул руку и замер. Алла стала его сносить, ломая табуретку, пока он, голый, с вытянутой рукой, не завалился на бок. Формер снова влез на табуретку, руки по швам, грозный железный взгляд. Вылитый Феликс Дзержинский. Алла накинула ему на шею петлю и сволокла с табурета. Формер перевернул табурет, залез в него по пояс, крепко сжал кулак – Карл Маркс из гранитного камня.

Формер скривил плечо, сделал безумный взгляд, изображая памятник Достоевскому, и велел Алле надеть на него смирительную рубашку. Взял в руки цилиндр, задумался, печально склонив голову. Теперь это был Пушкин. Добиваясь удивительного сходства, он изображал памятники Маяковскому, Горькому, Гоголю. Просил Аллу осквернять памятники, и та выдавливала на него масляную краску, зелёную, жёлтую, красную. С поразительной достоверностью он изображал памятник Носу и чижик-пыжику, а также памятник Петру Великому, для чего привязал к спине табурет и встал на дыбы, взметнув копыта. Но поразительного сходства с оригиналом достиг памятник Рабочему и Колхознице. Голые, в масляной краске, Формер и Алла стояли на столе, один воздел молоток, другая ножницы. И так стояли, до окончания записи.

Михаил Соломонович извлекал из видеокамер флэшки и относил Светочу, оставляя себе копии. Светоч не приглашал Михаила Соломоновича на просмотры, и тот не обижался. Понимал, что подобные фильмы лучше смотреть в одиночестве.

– Когда вы положите мне на стол запись с Сюрлёнисом?

– В ближайшие дни. Ищу подходы к Ивану Артаковичу.

– Хочу, чтобы вы понимали. Все эти безобразные сцены могут показаться обычными извращениями. Но это обряды. Эти обряды, по мнению означенных персон, открывают путь в Параллельную Россию, или, как они говорят, Россию Мнимую. Впрочем, вам это необязательно знать. Вы технический исполнитель, не более.

Михаил Соломонович был потрясен. Ему приоткрылась тайна, уразуметь которую не дано. Политика вершилась не на думских дебатах, не в министерских кабинетах, а в таинственных сферах, куда обывателю путь был заказан. Там обитали избранные, исповедующие верования.

Оставался последний заказ, едва ли выполнимый. Заместитель главы Президентской администрации Иван Артакович Сюрлёнис не был замечен в пороках. Являл собой образец служения. Был виртуоз интриг, размягчал возникавшие в обществе сгустки, создавал напряжения, уводил по ложному следу оппозицию, плодил фальшивые организации, сталкивал лбами лидеров, сеял слухи, множил мифы, сотворял вокруг Президента Троевидова ореол богоизбранности. Его не волновали женщины. Его женщиной была Россия, прекрасная дама, которую он обожал религиозно и целомудренно.

Михаил Соломонович изучал всё, что можно было узнать об Иване Артаковиче. Знания были приблизительны. Говорили, что Иван Артакович одно время мечтал стать Президентом. Говорили, что он перенёс ковид, умер, потеряв большую часть лёгких, но вернулся к жизни, побывав по её другую сторону. Поэтому ведал о загробном мире не понаслышке. Говорили, что вернула его к жизни таинственная дева в белом платье, усыпанном цветами, прекрасная, как Весна Боттичелли. Быть может, это была Россия, которая нуждалась в Иване Артаковиче и не отпустила его в смерть. Вот, пожалуй, и всё, что выведал Михаил Соломонович об Иване Артаковиче.

Он узнал, что Иван Артакович намерен прочитать лекцию в собрании интеллигентов, именуемом «Территорией смыслов». Территория находилась в подмосковном элитном отеле. Там Михаил Соломонович планировал подвести Аллу к Ивану Артаковичу. Он заказал Алле великолепное белое платье, усыпанное цветами, земными и небесными плодами. Для этого он долго изучал бессмертную картину Боттичелли, выбирал шелка в лучших магазинах Парижа и Рима.

Он пригласил университетского профессора истории, чтобы тот вооружил Аллу историческими представлениями, способными заинтересовать Ивана Артаковича.

В урочный день Михаил Соломонович и Алла были в переполненном конференц-зале отеля, где Иван Артакович читал свою лекцию.

Он стоял на подиуме, невысокий, изысканный, состоящий из острых углов, квадратов и эллипсов, словно был нарисован художником-кубистом. На нём был яркий синий пиджак, жёлтая канареечная рубашка, красные короткие штаны, позволявшие видеть розовые носки. На одном носке была вышита буква «альфа», на другом «омега». Он скрещивал ноги, и буквы менялись местами, что, согласно каббале, означало – конец может превратиться в начало. Вместо галстука у него был повязан прозрачный шнур световода, по которому бегала световая волна. Его заострённый нос целил в зал, словно выклёвывал того или иного слушателя. Он жестикулировал, и его серебрястые сухие ладони шелестели статическим электричеством. Иногда он исчезал с подиума и появлялся на потолке в виде голограммы.

Его речь изобиловала метафорами и иносказаниями. Михаилу Соломоновичу казалось, что оратор водит аудиторию за нос.

Иван Артакович утверждал, что русская история движется по таинственной синусоиде, где русские империи сменяют одна другую. Империи достигают величия и низвергаются в бездну. Умирание и воскрешение империй делает русскую историю пасхальной. Русское государство переплывает чёрные бездны истории на иконах, которые, подобно ковчегу, несут в себе «молекулу русского бессмертия». Каждый взлёт империи связан с великим лидером. Его избирает русская история для своего восхождения к величию. Птица Русской истории свивает в таком лидере своё гнездо и живёт в этом гнезде, пока ей не становится тесно. Тогда она улетает из ветхого гнезда, покидает утомлённого лидера и свивает гнездо в новом лидере. Сегодня Россия движется от великих потрясений к величию. Запад препятствует русскому восхождению. России предстоит победить чернокнижников Запада и вернуть себе величие. Лидер тот, кто владеет сокровенным знанием, русскими кодами. Играя на них, как на волшебном клавишине, он создаёт «музыку русской истории».

Иван Артакович пробежал гибкими пальцами по невидимым клавишам. Распался на цвета, из которых состоял его туалет, превратился в абстракцию, а потом вновь собрался в синий пиджак, жёлтую рубашку, красные штаны и розовые носки, на которых теперь красовались буквы «зет» и «ви».

– Хочу в заключение заметить, что среди русских вероучений есть такое, что утверждает существование параллельной России. Её история движется параллельно с нашей, но с ней не пересекается. Две России движутся параллельно и не пересекаются в бесконечности. В эту параллельную Россию стремились духоборы, молокане, хлысты и скопцы. В неё стремился Рерих, называя Шамбалой. В неё стремились русские скрытники, именуя Беловодьем. Великий историк тот, кто напишет историю параллельной России. Но такой историк ещё не родился.

Ивану Артаковичу хлопали. Он отвечал на вопросы.

Вопросы были пустяковые. На одни он откликнулся шуточками. На другие злой иронией. На третьи молчанием.

Поднялась из рядов Алла. Среди чёрных пиджаков выделялось её белое платье, усыпанное алыми и золотыми цветами. Ей поднесли микрофон. Она певучим, полным волнения и обожания голосом спросила:

– Иван Артакович, можно ли считать Россию «ковчегом спасения», куда погибающая Европа передаст свои гибнущие святыни и ценности, и Россия сбережёт их для остального человечества? Может, Россия параллельна Европе, параллельна себе самой?

– Прекрасно! Прекрасно! – воскликнул Иван Артакович, и было неясно, восхитил ли его вопрос или белое платье, усеянное цветами райских садов. – Я жду вас у себя. Этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

Люди покидали зал. Михаил Соломонович видел, как Алла порхнула к Ивану Артаковичу, и они удалились по коридору туда, где начинались номера отеля.

Михаил Соломонович прошёл в холл, где начинался фуршет. Были расставлены высокие круглые столики. Гости пили вино, поедали крохотные аппетитные сэндвичи, насаженных на пластмассовые шпажки креветок. Обсуждали недавнюю речь Ивана Артаковича Сюрлёниса, называя её манифестом. Усматривали в ней грозную «музыку новых времён».

Михаил Соломонович, ступив в холл, сразу увидел Лану Веретенову. Она стояла у столика, в окружении мужчин, издали улыбалась Михаилу Соломоновичу. На ней был строгий английский костюм. Её смуглое средиземноморское лицо по-прежнему пленяло потаённым свечением, какое исходит от ночной перламутровой раковины. Но теперь в ней не было ничего от ворожеи. Так выглядят женщины от науки или политики, референты корпораций или продюсеры телевизионных каналов.

– Господа, прошу знакомиться. Михаил Соломонович Лемнер, специалист по Африке. Замышляет экспедицию к Северному полюсу по маршруту Фёдора Конюхова. Россия потеряла Среднюю Азию и Кавказ, но теперь устремляется в Африку и строит полярную цивилизацию, –

Лана представила Михаила Соломоновича своим собеседникам. Михаил Соломонович вдруг поверил, что он таков, каким его представляют.

Мужчины рассеянно поклонились, продолжая нарушенный разговор.

– Мне кажется, Сюрлёнис, говоря о новом лидере, о Птице русской истории, имел в виду себя. А под утомлённым, «ветхим» лидером подразумевал Президента Троевидова. Рискованные, скажу я вам, заявления. Видно и впрямь Президент не здоров, – морщинистый, как испекшееся на солнце яблоко, господин закрыл глаза, чтобы другие не прочитали в них ведомую ему, опасную правду. У него на груди висела карточка с фотографией и значилось имя «Суровин». Михаил Соломонович, изучавший список приглашённых, знал, что это имя носит известный патриотический политолог.

– Вам не кажется, господа, что у Президента появился двойник? Президент обычно покашливает, а двойник не чихнет. У Президента нос резкий, с горбинкой. А у двойника чуть курносый. Президент не покидает бункер. Всякий, кого он принимает в резиденции, должен десять дней томиться в карантине. А двойник постоянно на людях, обнимается, целуется. Не странно ли? – говоривший был бородат, лобаст, с белыми залысинами, которые не брал загар. На карточке стояло имя «Клавдиев». То был видный философ, ненавистник Запада, ревнитель «русских смыслов».

– Я бы добавил. У Президента часто дурное настроение. Он сумрачный, раздражённый. А у двойника вид радостный, бодрый. Ему нравится его роль. Он чуть-чуть переигрывает, целуясь с детьми и обнимаясь с ветеранами.

Михаил Соломонович прочитал на карточке имя «Войский». Романы этого писателя стояли в магазинах на полках. Михаил Соломонович лишь однажды вознамерился купить книгу, прочитал несколько фраз о природных красотах и вернул книгу на полку.

– Да, но голос, господа! Голоса у них одинаковые! – Морщины на лице Суровина разбежались, собрались в пучки, выстроились в линии и вернулись на прежнее место. – Можно добиться внешнего сходства, но нельзя добиться подобия голоса. Голос каждого, как отпечатки пальцев, неповторим.

– Сегодня трансгуманисты Запада способны создавать человеческие копии. Двойник может быть голограммой Президента. Голос пропущен сквозь специальный модулятор, повторяет все интонации подлинника. Запад создаёт фальшмодель мира, делает неотличимым подлинное от сфабрикованного. Всё слипается. Мужчина и женщина, тварь и Творец. Всё превращается в «Великий ноль», господа! – философ Клавдиев пропустил сквозь ладонь бороду, подводя итог эпохе, где ложное и истинное были различимы.

– В любом случае, господа, Россию ждут перемены. Крупный конфликт с Западом, даже военный, неизбежен. Иван Артакович готовит нас к этому конфликту и готовится сам, – писатель Войский призывал коллег быть чуткими к переменам, не совершать опрометчивых поступков.

– Но ведь Сюрлёнис «западник»! – философ Клавдиев хмыкнул, выражая этим хмыканьем неверие. – Его ближайшие друзья – махровый «западник» Чулаки, англоман профессор Лео, гарвардский выпускник вице-премьер Аполинарьев, наш несокрушимый «француз» Формер, любимец театральной Европы Серебряковский. Как он выглядит в такой компании?

– От «компаний» избавляются, – назидательно произнёс политолог Суровин. – Что сделал Иосиф Сталин со своей «компанией»? Иван Артакович легко пройдёт в президентский кабинет по спинам вчерашних друзей.

– И по спине «ветхого» Президента, – кивнул писатель Войский.

– Ему всё можно простить, если он решит порвать с Европой, с этой гадиной, которая во все века жалит Россию. Нужно вышвырнуть европейскую змею из русского дома! – философ Клавдиев взволновался, и в его профессорской бороде появился оскал, а в глазах полыхнул фиолетовый пламень. – Русский человек должен вытопить из себя европейца!

– Если вытопит, кто в нём останется? – усмехнулся Суровин.

– Небожитель! – воскликнул Клавдиев.

– Я знаю вашу теорию. Россия граничит с Царством Небесным. И если русского хорошо отмыть, в нём обнаружится небожитель, – посмеивался писатель Войский.

– России нужен лидер, который раскалит русскую мартену и переплавит в ней Эйфелеву башню, Кёльнский собор, Колизей, Статую свободы! – не замечал насмешки Клавдиев. – Всё должно пойти в переплав!

– Какой же новый лидер, отекая сталью, поднимется из русской мартены? – спросил политолог Суровин.

– Сталин! – засмеялся Войский.

– А как вам понравился пассаж о параллельной России? – Клавдиев иронично поднял плечо.

– Ничего удивительного, – Войский столь же иронично щёлкнул в воздухе пальцами. – Власть не может усовершенствовать Россию реальную и хочет перескочить в Россию параллельную, где все усовершенствовано. Не отделаются! Либо совершенствуйте, либо Пугачёв и Ленин!

Мужчины проглотили креветок, допили вино, раскланялись и удалились.

Михаил Соломонович рад был остаться с Ланой. Но к столику подошли двое. Высокий красавец с лицом, незаменимым в фильмах о русских богатырях и сталинских лётчиках. С ним коренастый, с крутыми плечами боксёра, с упрямой головой на крепкой короткой шее.

– О, дорогие Чук и Гек! – обрадовалась Лана. – Михаил Соломонович, представляю вам двух отважных искателей. Мастера журналистских расследований. Чук, он же Чукотский. И Гек, он же Гектаров. А это Михаил Соломонович Лемнер, как и вы, искатель. Он снаряжает экспедицию на Северный полюс и в Африку.

– В Африке мы можем встретиться, – Чук протянул Михаилу Соломоновичу большую тёплую ладонь. – Мы начинаем расследование «африканского золота». Оно вдруг заинтересовало русских олигархов. Африканские слёзы, русская кровь, французское оружие и золото олигархов.

– Мы ищем спонсора, который оплатит нашу поездку в Африку. Такого не знаете? – Гек сжал руку Михаила Соломоновича маленькой, с железными мозолями, ладонью.

– Их последнее расследование касалось киевского майдана, – Лана взялась объяснять Михаилу Соломоновичу суть расследования. – Кровь майдана, государственный переворот могли избежать. Тогда бы Крым остался украинским, Донбасс не восстал, хорошие отношения с Европой сохранились. Но случилась кровь, переворот. Отношения с Европой поставлены на грань войны. И всё из-за некоего человека, который прибыл в Киев и спровоцировал пролитие крови. Я правильно объясняю?

– Ты же всё предсказала, – Чук смотрел на Лану мужским ярким взглядом. – И Крым, и Донбасс, и скорую войну, и человека ты предсказала.

– Человека предсказать невозможно. Вы его обнаружили, но имя не называете. Если бы не он, всё бы кончилось миром. Майдан рассосался. С Европой друзья. Из Москвы в Венецию, из Вены в Петербург. Но был человек. Назовите имя!

– Стабильность Европы – это стабильность взведённого оружия, – произнёс Чук. – Хорошо смазанные отшлифованные детали, пружины, упоры и маленький спусковой крючок. Слабое нажатие и удар, выстрел. Человек, о котором речь, слабо нажал на спуск.

– Так кто человек? – настаивала Лана.

– Был человек. Долго мы его вычисляли. Ждали, когда появится на Майдане. Помнишь, Гек, как хохлы тебя чуть не прибили?

– Не прибили.

– Представляете, Майдан, палатки, мороз. Бочки железные с углями. Руки в бочку сунем и греемся. Барабаны, дудки. Толпища. На трибуну лезут, москалей поносят. Видим, идёт. На голове капюшон, руки в карманы. Лица не видать. За ним охрана. Гек рванулся, подлетел: «Пан Гричевский! Пан Гричевский!» Охрана за пистолеты, с кулаками, Гека дубасят. А я на телефон сфотографировал. На Гаагском трибунале могу предъявить.

– Кто он? – не утерпел Михаил Соломонович. Чувствовал, как гудит голый провод с электричеством в тысячу вольт. Коснёшься, и убьёт. – Кто этот роковой человек?

– В Африке встретимся, там и скажем.

Чук и Гек рассмеялись, ударили друг друга плечами и отошли.

– Что вы такое придумали про Африку и Северный полюс? – Михаилу Соломоновичу не находилось места в политических разговорах. Но теперь, оставшись с Ланой вдвоем, он мог изумляться вслух.

– Я гадала на картах. Вы мне так интересны, что я раскладывала пасьянсы, – Лана щурила глаза. В них плескался блеск высокой люстры. Михаил Соломонович ждал, когда глаза расширятся, и он испугается их восхитительной тьмы.

– И что показали карты? «Дальнюю дорогу», «казённый дом»?

– Они показали «дальнюю дорогу». Дорога вела через Северный полюс в Африку.

– А «казённый дом» и «червовая дама»?

– Был «казённый дом» со множеством башен, и на каждом горела рубиновая звезда. Была дама пик. Но вот лица не разглядела.

– Быть может, у неё средиземноморское лицо, и оно светится, как ночная раковина?

– Со временем лицо откроется. Дайте мне время, Михаил Соломонович.

– Быть может, нам вместе поужинать?

– Может быть. Не теперь. Где-нибудь в Африке.

Лана ушла, а у Михаила Соломоновича чудесно туманилась голова, хотя его бокал, не тронутый, стоял на столе.

Публика разошлась, а он задержался в холле. Видел, как из коридора выскользнула Алла, развевая белое, в райских цветах, платье. Её поступь была лёгкой, как у девы на картине Боттичелли. Не сразу появился Иван Артакович, хрупкий, острый, колкий, похожий на кузнечика.

Глава шестая

Михаил Соломонович дождался, когда холл опустеет и прислуга перестанет шуметь пылесосами. Прокрался в коридор к номеру, где случилось свидание Аллы и Ивана Артаковича. Открыл дверь отмычкой и вошёл, ожидая увидеть истерзанную постель, поломанную мебель, разбитые зеркала. Но номер был почти не тронут, только слегка подвинут стул.

Михаил Соломонович гадал, каким утончённым развратом потчевала Алла Ивана Артаковича. Быть может, эротической магией, когда в мужском воображении возникают зрелища загробного мира, и мужчина в предсмертных конвульсиях замирает подобно покойнику. Михаил Соломонович подвинул настольную лампу, в которой скрывалась камера, извлёк флэшку с записью. На этот раз записывалось не только изображение, но и голоса. Поспешил домой. Сделал по обыкновению копию и устроился в кресле, гадая, чьими уроками пользовалась Алла. Должно быть, наставлениями старой ведьмы из Нигера, у которой на ногах было по шесть пальцев. Нажал клавишу компьютера и воззрился на экран.

В номер вошла Алла, поводя плечами, неуловимым поворотом бедра создала вихрь, приподнявший её цветастое платье. Она поймала улетающий подол коленями, вылитая Мерлин Монро. Появился Иван Артакович. Любезным движением освободил сжатый коленями подол и одёрнул его.

– Дорогая, я не Джон Кеннеди. Ты могла бы сразу заметить.

– Пупсик, ты лучше. Разве тебе никто не говорил?

– Говорила одна озорная девчонка. Теперь её глупые косточки истлевают на подмосковной мусорной свалке.

– Ну, пупсик! Ну, зачем так!

Алла снова попыталась взвихрить подол, но Иван Артакович ткнул её указательным пальцем в лоб, и она шлёпнулась на кровать.

– Сиди и слушай, дура. Даю развёрнутый ответ на вопрос, который ты выкрала из статьи философа Клавдиева, посвящённой русскому восхождению. Итак!

Иван Артакович подвинул стул, уселся напротив Аллы, забросил ногу на ногу, чтобы Алла могла видеть розовые носки с буквами «зет» и «ви».

– Россия до недавнего времени была мертва. Её искусила ядовитая змея Запада, как выражается наш великий философ Клавдиев. Россия умерла, и её уже не сотрясали предсмертные конвульсии. Она не видела снов загробного мира, как учила тебя, глупая девочка, африканская ведьма с шестью пальцами на ногах. Отсюда, заметь, у африканца Пушкина шестистопный ямб. Россия очнулась, когда её поцеловал Президент Леонид Леонидович Троевидов, этот прекрасный принц Русской истории. Он повенчал Россию с Крымом, и крылатый змей Запада схватился с птицей Русской истории. Повторилась извечная битва «ясна сокола» и «чёрна ворона». В этой битве одолеет сокол, а ворон будет низвергнут с русского неба. Россия, ведомая Президентом Троевидовым, продолжит восхождение к Величию. О, это будет страшный путь! Прольётся много крови и слёз. Быть может, все мы погибнем. Россия подойдёт к роковой черте, за которой её ждёт гибель, и «чёрный ворон» вновь закаркает и сядет на золотой крест Успенского собора. Но снова прекрасный принц Русской истории спасёт Россию, и она продолжит восхождение. Русское чудо случится. Запад, как чёрный змей на фреске Страшного суда, поползёт из русского храма. И русский ковчег, о котором вещает философ Клавдиев, победно поплывёт по океану русского времени. Президент Троевидов будет статуей на носу корабля.

– Но, Пупсик! – пробовала возразить Алла, комкая цветастое платье и открывая колени.

– Сиди смиренно, презренная дочь! – остановил её Иван Артакович. – Не открывай передо мной свой адский зев. Я не принял из твоих рук отвар лесных колокольчиков. Равнодушен к твоему изношенному лону. Пусть в катакомбах твоего разврата канут несчастный

Чулаки, наивный Аполинарьев, слепорождённый Серебряковский, старый индюк Формер и слизистый Лео. Они больше мне не друзья. Они восстали против Русской истории, и она извергнет их из своего потока. И тогда они позавидуют тем, кто не родился!

Михаил Соломонович присутствовал при отречении. Иван Артакович отрекался от своих друзей, отдавая их на муки. Начинался великий русский передел. Михаилу Соломоновичу страшно было попасть под жернова Русской истории. Он был малым горчичным зёрнышком, занесённым в русскую бесконечность. Он слышал грохот чудовищной русской мельницы. Но в этом грохоте была сладость, было упоение. Из Русской истории выпадали одни, и в неё входили другие. Войдёт и он, Михаил Соломонович.

– Пусть знают все, я патриот России! – продолжал Иван Артакович, отводя взгляд от Аллы и устремляя его к настольной лампе, где пряталась камера. – Нет для меня другого Президента, нежели Президент Леонид Леонидович Троевидов. И нет для меня другого великого государственника, нежели Антон Ростиславович Светлов. Он тот, кто освещает Президенту путь в грядущее. Его любовь к России соизмерима с его ненавистью к её врагам. Пусть он знает, что враги России – мои враги. И я не приду на могилы Формера, Чулаки, Серебряковского, Лео и Аполинарьева. Я не протяну им чашу с водой, когда они станут умирать от жажды. И если их станет судить народ, я первый укажу на них, как на изменников, замышлявших свержение Президента Троевидова. Потребую казни клятвоступников. Для этого добьюсь возобновления в России смертной казни!

Эти слова Иван Артакович обращал не к Алле, беспомощно теребившей подол платья, а прямо в камеру наблюдения. Словно желал, чтобы его услышали. Вещая в камеру, он отправлял послание. Михаил Соломонович был гонцом, передающим послание.

– Что касается параллельной России, то существуют ли вообще параллели? Или это выдумка старины Эвклида?

Михаил Соломонович дождался, когда властным жестом Иван Артакович выпроводил Аллу из номера. Оставаясь сидеть на стуле, Иван Артакович стал тереть ладонь о ладонь, добывая статическое электричество. Поднёс ладони к голове, и волосы встали дыбом. Так и сидел, окружённый прозрачными сполохами, как высоковольтная мачта.

Михаил Соломонович отправил в Кремль запись с курьером. Хотел было навестить Аллу, испытавшую женское унижение. Но телефонный звонок остановил его.

– Михаил Соломонович, вас срочно желает видеть Иван Артакович Сюрлёнис.

– Прикажете ехать в Кремль?

– Вас отвезут по другому адресу. Машина ждёт.

Его доставили в особняк в центре Москвы, в районе Палашёвского переулка. Двухэтажный особняк в стиле модерн был перестроен. У него появилось внутреннее пространство, напоминавшее античный дворик. Над двориком парил стеклянный купол. Внизу бил фонтан. В кадках стояли тропические деревья. Дворик окружали кабинеты. В одном из них Иван Артакович Сюрлёнис принял Михаила Соломоновича, поднявшись из-за дубового, крытого зелёным сукном стола. Множество безделушек населяло стол. Хрустальные кубы чернильниц. Подсвечники в виде деревьев, на которые карабкаются бронзовые медведи. Бронзовый морж с костяными бивнями. Зелёный стеклянный шар, куда запаян морской паук, окружённый самоцветами. Старинная японская шкатулка с летящими журавлями. Казалось, стол был уставлен безделушками полтора века назад, и ничья рука не прикасалась к диковинкам минувших времён.

– Благодарю, Михаил Соломонович, что откликнулись на моё приглашение. Ещё тогда, в отеле, хотел познакомиться, но, сами понимаете, были обстоятельства.

Иван Артакович не отказался от экстравагантного туалета. На нём был алый пиджак, зелёная рубашка, белые штаны и фиолетовые носки с шитыми бисером шестиконечными звёз-

дочками. В своём наряде он напоминал попугая, сидевшего тут же в золочёной клетке. Плающее оперенье, пышный хохол и тяжёлый клюв.

– Надо сказать, Михаил Соломонович, ваши гейши – чудесные почтальоны. Через них можно передавать послания самым высокопоставленным адресатам. Может, создать из ваших проституток особую фельдъегерскую службу?

– Можно голубиную почту. Ведь они все у меня голубки, – дерзко пошутил Михаил Соломонович, понимая, что изобличён, и возможна крутая расправа.

– Полагаю, у вас есть копии этих посланий?

– Я не читаю чужих писем, Иван Артакович, – солгал Михаил Соломонович. Колебался секунду, не повиниться ли перед могущественным попугаем.

– Похвально. Вы умеете держать язык за зубами. Но, полагаю, Антону Ростиславовичу вы не лжёте?

– Мне не знакомо это имя, – продолжал твёрдо лгать Михаил Соломонович.

– Похвально, похвально. Вы не предаёте благодетелей. Кругом столько предателей. Будет ещё больше. Не все примут назревающие перемены. Многие побегут. Другие пожелают остаться, но предадут благодетелей. Настанут дни великих предательств. Я уверен, вы не побегите и не предадите.

– Я предан моим идеалам, – осторожно произнёс Михаил Соломонович, не понимая иносказаний этого смешно и пёстро одетого человека, от которого зависела судьба восьмидесяти губернаторов, управляющих русскими землями между трёх океанов.

– Очень скоро появится большой спрос на преданных людей. Вы один из немногих.

Михаил Соломонович потупился. Он не понимал, о каких переменах говорит Иван Артакович. Не понимал, почему ему оказывают такое доверие, и чем опасным или даже ужасным может обернуться для него это доверие.

– Антон Ростиславович Светлов, который подослал вас ко мне, не скрою, выдающийся государственный деятель. Его хрустальный глаз способен видеть то, чего нет. Его мнительность болезненна. Называя себя государственным, он наносит вред государству. Он хочет удалить из России тех, кого называет «западниками». Но они – богатство России, её творцы, новаторы, открыватели. Они – пуповина, через которую Запад питает Россию своими драгоценными соками, не даёт нам сползти в азиатчину. Они насаждают у нас европейские эстетические школы, одаривают нас европейскими технологиями, учат по-европейски вести хозяйство, по-людски обращаться друг с другом. Вы понимаете, о ком я говорю?

Михаил Соломонович терялся. Его подвергали испытанию. Его выворачивали наизнанку. Одно неверное слово, и его уничтожат. Но верное слово устремит к тому, что Иван Артакович называет русским Величием. Он искал верное слово, но оно не являлось.

– Профессор Лео – светило экономической науки. Благодаря ему работают наши заводы и банки, копится казна. Вице-премьер Аполинарьев – он превращает русскую нефть и газ в русские университеты, больницы, дороги, монастыри, книжные ярмарки, рок-фестивали. Режиссёр Серебряковский, его спектаклям аплодируют в Париже, Нью-Йорке и Лондоне. Он не даёт прокиснуть нашей квасной доморощенной драматургии. Блистательный публицист Формер, пример утончённого интеллектуализма, наследник европейского возрождения. И всё это зовётся «партией западников». Их подозревают в заговоре, в желании свергнуть президента Троевидова. Какой вздор! Какой вздор! Хрустальный глаз Светоча смотрит на Россию, а видит бездну!

Михаил Соломонович содрогался. Он стоял на краю этой бездны. Таинственный вихрь закрутил его и опустил в жуткую сердцевину, где рождаются русские бури, от которых сотрясается мир. И надо бежать, немедленно из этого злосчастного особняка с фонтаном и попугаем. И не понять, кто попугай, а кто Иван Артакович, кто публицист Формер, а кто философ Клавдиев, и бежать ли ему в Африку или на Северный полюс.

– Антон Ростиславович Светлов узурпировал власть в России. Он держит Президента Троевидова на сильно действующих снотворных. Президент вечно спит. Он слаб, не может управлять государством. Светоч держит его в бункере, и мы не знаем, жив ли Президент. Светоч создал двойников Президента, отыскал их среди мелких воришек, торгующих краденными телефонами. Сделал им пластические операции, обучил президентским жестам, этому фирменному взмаху левой руки. Двойникам вживили в гортань модулятор звука, и теперь их голоса не отличимы от голоса Президента. Эти куклы ведут заседания Совета Безопасности, принимают у послов верительные грамоты, целуются с девушками на площадях. Государственный переворот, в котором Светоч винит «партию западников», уже совершён. У нас нет Президента. Нами правит Светоч из-за спины послушных говорящих кукол.

Михаил Соломонович трепетал. Его вращал чудовищный водоворот, именуемый русской историей. Он был щепкой, захваченной этим кромешным вращением.

Иван Артакович мрачно молчал, а потом вдруг радостно встрепенулся.

– Рад нашему знакомству. Михаил Соломонович. А ты, Кеша, рад? – обратился Иван Артакович к попугаю. Цветная птица тяжело тряхнула оперением, раскрыла кривой, как клещи, клюв и, жутко картавя, прокричала:

– Мы гусские! Какой востог! Пагагельная Гасия! Пагагельная Гасия!

Михаил Соломонович покидал кабинет. Пытался повторить выкрик птицы. Не получалось. Русский язык, которым он великолепно владел, не поддавался порче.

И почти не удивился, увидев у фонтана Лану Веретену. Он думал о ней постоянно, и иногда эти мысли облекались плотью.

– Боже мой, Михаил Соломонович, вы можете подумать, что я преследую вас. Но это кто нас обоих преследует, пересекает наши пути.

– Может, однажды встретившись, не станем разлучаться? – он оглядел её молниеносно, сверив свою мысль о ней с её воплощением. Совпадение было не полным. Впервые она предстала перед ним в голубых шелках. Потом на ней было платье, жаркое, как маков цвет. Вчера она казалась строгой, как дама из научной среды. Сегодня на ней была длинная серая юбка, долгополый тёмный жакет и белая блузка с пышным кружевом на груди. И только лицо было то же, миндалевидное, с пунцовым ртом, с глазами, имевшими пугающее и чарующее свойство вдруг расширяться. Их блестящая тьма напоминала ночное южное небо, где не было звёзд, а сверкающая бесконечность.

– Что вас привело в этот мир фонтанов и попугаев? – Михаил Соломонович смотрел, как над её головой плещет фонтан, чувствовал на лице водяную пыль.

– Сильные мира сего нуждаются в моих предсказаниях.

– Вы даёте советы таким умудрённым мужам, как Сюрлёнис? Вы статский советник?

– Я придворная гадалка. У меня не советы, а предсказания. Они, как туманы. Для одних розовые, для других голубые, для третьих золотые. Туманы сталкиваются. Иные рассеиваются, и человек исчезает.

– Вы по-прежнему предсказываете мне Северный полюс и Африку? Когда я туда полечу?

– Вы уже летите. С пугающей скоростью. Со скоростью света. С такой скоростью летят космические лучи. Удар этих лучей раскалывает галактики.

– Я тот, кто раскалывает галактики?

– Вы тот, кто мне интересен.

Михаил Соломонович протянул руку к нитке жемчуга на её шее. Лана улыбалась, ждала прикосновения. Но оно не последовало. Михаил Соломонович не посмел коснуться. Стоял с протянутой рукой, словно просил подаяния. Лана взяла его ладонь, стала перебирать пальцы, будто играла в «сороку-воровку». Михаил Соломонович почувствовал сладкую слабость, его погрузили в туманы, розовые, голубые, золотые. Туманы плавали, текли, таяли. Ему казалось,

в этих туманах появляются лица, не знакомые, но родные. Быть может, те, что наклонялись к его колыбели, и он никогда не узнает их имён, а только туманные очертания.

– Вы околдовываете меня.

– На вашей ладони появилась новая линия. Линия Величия.

– Вы околдовали меня. Перенесли в параллельный мир. В параллельную Россию.

– Вам рассказали об этом вельможные фантазёры?

– Что они имеют в виду? Какая параллельная Россия? Какая Россия Мнимая? Может, вы знаете?

– Что-то связано с математикой. В математике есть «мнимое число». Корень квадратный из минуса единицы. Никто не может извлечь этот корень. Предполагают, что за «мнимым числом» скрывается целая, неведомая нам математика, а значит, неведомая реальность. Эту реальность и называют Мнимой Россией. Но в неё никто не может пробраться. Пробуют с помощью обрядов, иногда изуверских.

– Разве можно с помощью изуверских обрядов проникнуть в страну совершенства?

– Пробуют. Скопцы – зверски себя увеча. Распутин развратничал с фрейлинами, говоря, что ведёт их в Царствие Небесное.

– Голова идёт кругом!

Лана зачерпнула из фонтана воду и полила ему на голову. Вода текла по волосам, по лицу, бежала за ворот.

– Теперь вы совершили омовение.

Она ушла, а он остался у фонтана с протянутой рукой, будто просил подаяния.

Глава седьмая

Михаил Соломонович чувствовал на себе неотступный взгляд. Это был не хрустальный взгляд одноглазого Светоча. Не въедливый, как шуруп, взгляд Ивана Артаковича. Не перламутровый, как ночная раковина, взгляд гадалки. За ним наблюдали с неба. Не из зенита, откуда взирал Бог, а левее и ниже. Туда смотрел Михаил Соломонович, желая отыскать снайпера. Не находил. Синева знойного московского неба и отчётливое чувство, что за ним наблюдают.

Он появился в своём заведении, где принимал заказы на эскорты для закрытых корпоративных вечеринок, турецких бань, кавказских дворцовых утех. Он подбирал эскорты, угадывая вкусы заказчиков. Имел широкий выбор красавиц, любого сложения и масти, весёлых и грустных, скромных и яростных, интеллигентных и диких. Но все были отборные, породистые, как элитные лошади, ждущие с нетерпением скачек. Михаил Соломонович холил их, одаривал, отправлял на массажи, прикреплял к врачам, учил манерам, мстил обидчикам. Они были прекрасны, эти русские женщины, избавленные Михаилом Соломоновичем от нужды, превращённые из забитых матерей-одиночек, брошенных мужьями жён, недоучившихся студенток в весёлых, царственных, смелых и игривых красавиц, обожающих свою работу, как скаковые лошади обожают ипподром.

Михаил Соломонович в кабинете подписывал бумаги, принимал заказы, читал отчёты бухгалтера. Он прислушивался к стуку высоких каблуков в коридоре, как чуткий конюх прислушивается к перестуку копыт.

Вошла Алла. Она снаряжалась в дорогу. Её сильные обнажённые плечи, млечной белизны лицо, причёска, где в каждом волоске играл золотой лучик, голубые, как весеннее небо, глаза – всё было восхитительно. Сулило радость кавказскому сенатору, пожелавшему после государственных дел отдохнуть в своём горном дворце. Уже струились над мангалами вкусные дымы, на углях шипели шашлыки, друзья сенатора снимали московские сюртуки, стелили молитвенные коврики, совершали намаз.

– Ну что, моя милая жёнушка, в дорогу? Тебя ждёт увлекательное странствие. Ты увидишь множество отважных джигитов, не забывших скачки по горным дорогам. Не пугайся, если они начнут стрелять в воздух и кидать ввысь папахи. Так они поступают, когда через сенат проходит очередной законопроект, – Михаил Соломонович осматривал Аллу, как осматривают породистую, готовую к состязаниям кобылицу, любясь её крепкими постукивающими копытами, гладким шёлковым крупом, страстным выпуклым оком. – Тебе нет равных, моя жёнушка!

– Михаил Соломонович, я пришла сказать, что никуда не еду. Я ухожу.

– У тебя просто дурное настроение, милая жёнушка. Горный воздух имеет веселящее свойство. Дыши глубже, – он посмеивался, привыкнув к её капризам. В капризах, которые она себе позволяла, была её привилегия перед безропотными подругами, собранными в эскорт.

– Я беременна. Я больше не могу работать.

Он знал, это была уловка, маленькая хитрость, которой она хотела его раздосадовать.

– Эка беда! Есть клиенты, которые сходят с ума от беременных женщин.

– Я пришла сказать, что ухожу. Я буду носить ребенка.

Её упрямое, ставшее злым лицо раздражало его. Он представил её старухой. Мясистые щеки, безобразно большая грудь, бесцветные глаза, толстые, страдающие плоскостопием ноги в разношенных туфлях.

– На всяком производстве есть своя техника безопасности. Сварщик работает в рукавицах и маске. Строитель в пластмассовой каске. Атомщик в белом комбинезоне. Космонавт в скафандре. У тебя есть маленький скафандр в блестящем пакетике. Ты не пожелала открыть пакетик. Теперь ступай к доктору Розенкнопфу. И когда это ты умудрилась?

– Этот ребенок от вас, Михаил Соломонович. Когда вы меня били и насиловали, я не успела предохраниться.

Это была скверная новость. Михаил Соломонович хмуро смотрел на Аллу. Её хитрость была женской, животной. Под её кожаным модным жакетом, под красной пряжкой широкого пояса, в дышащем животе таился плод. И это был плод от него. Он проник в её лоно и остался в ней.

«Я остался в ней. Я нахожусь в её лоне. Она проглотила меня. Она меня пожрала!» – Михаил Соломонович пребывал в панике. Он находился в глубине её живота. Она владела им, повелевала, могла угрожать и требовать. И он, находясь в ней, был должен повиноваться.

Об этом зло думал Михаил Соломонович, рассматривая красную пластмассовую пряжку на её животе.

– Тем более, дорогая, иди к Розенкнопфу. Нельзя рожать ребёнка, зачатого под побоями. Родится злодей, истязатель, серийный убийца.

– Родится прекрасный мальчик. Я сделаю всё, чтобы он вырос добрым достойным человеком.

– Послушай, ты мне надоела! Не хочешь работать, пошла вон! Одна Мерлин Монро ушла, другая появилась. Я знаю, как сделать из провинциальной уродки голливудскую звезду. Больше овса, меньше сена. И хлыст, хлыст!

– Я уйду, но вы мне дадите денег, чтобы я и мой мальчик ни в чём не нуждались.

– Что ты сказала? Денег? – Михаил Соломонович захохотал. – А это хочешь? – он показал ей сжатый кулак, ударив себя по предплечью.

– Вы мне дадите денег, иначе я расскажу, к каким персонам вы меня направляли. Вы думаете, я не знаю, кто такой Чулаки? Кто такой Иван Артакович Сюрленис? Профессор Лео? Вице-премьер Аполинарьев? Я соберу журналистов, наших и иностранных, и открою им все ваши делишки. Думаете, я не понимаю, что здесь политика, крупная политика. И вам не поздоровится. Вас упекут или даже прикончат. Как бы я хотела, чтобы ваш еврейский нос валялся в стороне от ваших слюнявых еврейских губ!

Михаил Соломонович был сокрушён. Перед ним стояла не проститутка, которую он слепил из комочков провинциальной грязи, одел, обул, дал хлеб, посадил в дорогую машину, поселил в прекрасной квартире, «вывел в свет», где она могла обольстить любого русского дурня, никогда не нюхавшего французских духов. Помимо скотской деревенской любви, не ведавшего «эротических таинств» мексиканских колдуний, тайских жриц, африканских целительниц. Перед Михаилом Соломоновичем стояла русская фашистка. Её раскалённая ненависть копилась поколениями. И он был в её цепкой, жестокой, ненавидящей власти, грозившей ему крушением. Тот таинственный взлёт, который с ним случился, восхождение к Величию, которое угадала в нём средиземноморская ведунья, всё это будет срезано мерзкой девкой. Она завладела его судьбой, поместив под пластмассовую красную пряжку. Туго затянет, чтобы он задохнулся и стал выкидышем. Липким комком с ручонками, слепыми глазами и огромным пупком. Он будет лежать на асфальте в луже крови, и его еврейский нос станет валяться в стороне от слюнявых еврейских губ.

Михаил Соломонович передёрнул затвор, услышав тихий лязг отшлифованной стали.

– Ну, хорошо, я дам тебе денег. Хочу, чтобы ты вырастила доброго достойного парня. Но почему ты одна должна его растить? Ведь это и мой сын! Давай растить вместе. Я мечтал о сыне. Мне тоже осточертела эта подлая работа. Брошу. Уедем из Москвы в глухомань. Ведь ты мечтала! Заживём жизнью достойных людей. Эта мерзкая не людская работа! За неё мне гореть в аду. Вместе будем отмаливать грехи. Я еврей, но приму православие. Одна гадалка нагадала мне, что прах мой будет лежать под иконами. Хочу верить в солнечного Христа. Хочу, чтобы мы втроем, ты, я и сын, шли причащаться, и все говорили: «Какая чудесная православная семья!»

– Ты сказал «семья»?

– Ну конечно! У нас и есть семья. Мы ведь муж и жена. Мы обручимся. Ты хотела, чтобы мы обручились на Северном полюсе. Чтобы была сахарная солнечная льдина, на ней стол, полный яств, букет красных роз, и я надеваю на твой чудесный палец золотое кольцо, и оно ослепительно горит в лучах полярного солнца.

– Ты не шутишь? Мы отправимся на Северный полюс и там обручимся?

– Сегодня же зафрахтую ледокол!

Алла счастливо рыдала. Михаил Соломонович целовал её чудесные, с ярким маникюром, пальцы, воображал, как наденет обручальное кольцо.

Он связался с морским судоходством и узнал, что несколько ледоколов курсируют по Северному морскому пути. Один в Охотском море, два в море Лаптевых, и один пришвартован на Ямале. Не без труда он вышел на связь с капитаном ледокола «Нерпа», посулил полмиллиона долларов за путешествие к Северному полюсу. Обзавёлся двумя золотыми обручальными кольцами. В гравёрной мастерской на обратной стороне кольца, что наденет Алла, сделал надпись: «Навстречу северной Авроры, звездой севера явись». Наказал Алле взять с собой норковую шубу. Сам запасся ветровкой с волчьим воротником, какую надевает Президент, когда посещает военные корабли. И они с Аллой отправились обручаться на полюс.

Летели самолётом в Салехард, на аэродроме пересели на вертолёт. Тундра в иллюминаторе была изумрудной, красной, шафранной, с чёрными озёрами, которые вдруг вспыхивали солнечными зеркалами. Струились бессчётные реки. На тёмных озёрах, ослепительные, сверкающие, сидели лебеди.

Земля вдруг начинала течь, уплывала, и стадо оленей бежало, пугаясь вертолёта, задирая к небу глазастые головы. Алла восхищалась. Тень и свет бежали по её лицу. Она благодарно улыбалась Михаилу Соломоновичу, и он отвечал ей улыбкой.

На Ямале дуло, местами лежал снег, на кромках озёр оставался лёд. Океан был выпуклый, как синяя линза, лазурный у берега и млечный у горизонта. На рейде, не приближаясь к причалу, стоял ледокол, тяжкий, закопчённый, напоминал деревенский утюг, в который клали угли. С причала Михаил Соломонович связался с капитаном. Ледокол издал грозный приветственный рёв, и скоро катер доставил Аллу и Михаила Соломоновича на борт ледокола. Туда же был доставлен складной столик и стулья, шампанское с бокалами и букет алых роз.

У капитана было лицо, похожее на боксёрскую грушу. Висел свинцовый ком бороды. Трубка, которую он гонял из одного угла рта в другой, стучала о жёлтые зубы. Синие глаза под железными бровями были зоркие, как у капитанов, прозревающих в дали новые земли. Он расстегнул кейс, который положил перед ним Михаил Соломонович, Доллары, наполнявшие кейс, пахнули болотной тиной. Капитан отвёл Михаила Соломоновича и Аллу в каюту.

– Прошлым годом возил одного придурка на полюс. Он воткнул флаг с черепахой, произнёс речь к народам мира и велел возвращаться. «Зачем, говорю, надо было на полюс?» – «Здесь, говорит, такая акустика, что скажи слово, и во всём мире услышат».

Капитан удалился, оставил их в каюте, и скоро затрясло, заурчало, ледокол шевельнул закопчённым бортом и тяжело пошёл в океан.

Они плыли день, и солнце не уходило с неба, приближалось к океану, стелило красную дорогу. Ледокол плыл по зелёным водам, солнце брызгало у чёрного борта, и казалось, ледокол высекал из океана огонь.

Они выходили на палубу и видели кита. Глянцевитая, отекающая ручьями гора поднялась из океана. Кит выпустил солнечный фонтан, плавно ушёл в глубину, утянув за собой двулистник хвоста. Ещё один кит, чёрная, с блесками мокрого солнца туша поднялась из глубин. Они ждали, что взлетит фонтан, похожий на стеклянный букет. Но это оказалась подводная лодка с чёрной рубкой и крылышками. Они видели плывущее в океане бревно. На нём в ряд стояли красноногие чайки с жёлтыми клювами, смотрели все в одну сторону. Было неясно,

откуда в открытом океане бревно, быть может, оно было остатком утонувшего корабля. Ночью, когда на краткое время стемнело, они вышли подышать холодным, дующим над океаном ветром и видели, как из океана излетают лучи. Казалось, там сияет подводный город с улицами, фонарями, идёт ночное гулянье. Поднялся туман, признак близких льдов. Из тумана возникла прозрачная женщина, прошла, не касаясь вод.

– Кто эта прекрасная женщина? – спросила Алла, когда они вернулись в каюту.

– Это Богородица, – ответил Михаил Соломонович, обнимая Аллу, и она положила голову ему на грудь.

– Куда она идет?

– На Северный полюс.

– Почему на полюс?

– Она обошла Землю, помогла всем немощным, закрыла глаза умирающим, утешила горящих и возвращается домой.

– Богородица живёт на полюсе?

– Она живёт в Царствии Небесном. Царствие Небесное граничит с Россией. На Северном полюсе есть лестница, по которой в Россию из Царствия Небесного спускаются святые и праведники. Совершают благие дела в России, возвращаются на полюс и поднимаются по лестнице в Царствие Небесное. На полюсе находятся врата в Царствие Небесное.

– И мы можем подняться в Царствие?

– Не теперь, после смерти.

– Как чудесно, что наш сын, ещё до рождения, окажется у врат в Царствие Небесное.

По лестнице спустится святой батюшка Серафим, погладит мой живот, и наш сын, ещё до рождения, примет его благословение. Наш сын вырастет праведником или художником, или мудрецом. Ему будет сниться сон, что к нему подходит старец в золотых одеждах и целует.

Они лежали в каюте. Над океаном светило негасимое солнце, и они плыли в Царствие Небесное.

– Какой ты прекрасный человек, Миша. Столько для меня сделал. Я буду твоей верной женой. Буду ухаживать за тобой. Если заболеешь, вылечу. Мы вырастим нашего сына, составимся и умрём в один день.

– Так и будет, любимая жёнушка.

На третий день пути появились льдины. Серые, сырые, плыли навстречу ледоколу, окружённые туманом. На одной льдине лежали тюлени. Увидели ледокол и разом упали в воду. Льдины сомкнулись. Ледокол тупым носом колот ледяное поле. Лёд шелестел, хрустел, валился на обе стороны пышными ворохами. За кормой кипела чёрная полынья. Солнце, окружённое красными кольцами, светило над бескрайней белизной, по которой ползла чёрная махина ледокола. Кипящая за винтами вода казалась красной, как вишнёвое варенье.

Воздух от мороза стал звонкий, Каждый вздох порождал звон. Жгло ноздри. Лёд стал толстым, стальным. Ледокол наваливался угрюмой громадой, проламывал толщу. Ледяные ломти с треском раскалывались, отлетали от бортов, ложились громадными осколками с зелёными гранями.

Капитан пришёл в каюту.

– До полюса не дойти. Спаяло насмерть.

– До полюса далеко? – спросила Алла.

– Рукой подать.

– Здесь выгружаемся, – приказал Михаил Соломонович.

Ледокол встал, окружённый льдами. С нижней палубы спустили трап. Матросы сгрузили стол, унесли подальше от ледокола, поставили среди белого поля. Светило солнце, окружённое двумя золотыми кольцами.

– Солнце нас обручает, – Алла счастливо смотрела на солнце, на ледяную, в блеске, равнину.

– Батюшка Серафим несёт нам обручальные кольца, – сказал Михаил Соломонович.

Стол с яствами стоял на бескрайней льдине. На столе красовался букет алых роз. Алла, кутаясь в норковую шубу, смотрела, как Михаил Соломонович открывает шампанское, как хлещет из бутылки струя, наполняет бокалы, проливается на снег.

– Милая жёнушка, – Михаил Соломонович поднял бокал, протягивая к Алле, и та тянула навстречу свой бокал. – Я люблю тебя. Мы обручаемся и венчаемся на Северном полюсе, где земля касается Царствия Небесного. В эту минуту батюшка Серафим касается перстами твоего живота и благословляет нашего сына. Позволь, я надену на твой чудесный палец золотое кольцо.

Михаил Соломонович поставил бокал, откинул ветровку с воротником из волчьего меха, полез в карман куртки.

– Боже мой, где же кольца? – воскликнул он. – Забыл! Забыл в каюте! Ах, голова садовая! Сейчас принесу! – Михаил Соломонович кинулся к ледоколу. Поскользнулся, упал. Добежал до трапа, взлетел на борт. Здесь ждал его капитан, грызя трубку.

– Что прикажете?

– Полный назад!

– Шампанское не допили.

– Она допьёт!

Капитан перебросил трубку из одного угла рта в другой, оскалил жёлтые зубы, приказал старпому:

– Полный назад!

Ледокол зарычал, шевельнулся. Стал откатывать, пятился в полынье. Михаил Соломонович смотрел, как от стола бежит Алла, машет руками. Ледокол удалялся, Алла металась у края льдины. В ослепительных снегах стоял стол с букетом алых роз.

Михаил Соломонович дышал, слыша, как при вздохах звенит ледяной воздух. Ни Аллы, ни стола, ни красных роз не было видно. Белели полярные льды. Чёрная полынья дымилась, и её затягивало тонким льдом.

Глава восьмая

Михаил Соломонович Лемнер провёл детство в пятиэтажном кирпичном доме на Сушевском Валу. Окна дома смотрели на Миусское кладбище, уже закрытое. Чёрный мрамор памятников, колючий блеск оградок. В доме был подвал, куда вело несколько тёмных ступенек. Попадая в подъезд, маленький Миша устремлялся на этажи, торопясь промчатся мимо подвала, ужасаясь его сырого мрака. В подвале обитало мерзкое, липкое. Оно подстерегало Мишу, пучилось, тянуло скользкие щупальца, мерцало множеством жутких глаз. Миша на маленьких ножках взлетал по лестнице, слыша погоню, готовый орать. Клубки слизи мчатся за ним, хотели облепить, всосать, утянуть в смрадную глубину. Страх умерялся, когда на втором этаже он достигал квартиры с табличкой «Блюменфельд». Чудище отставало, возвращалось в подвал, пряталось в липкую темень. Караулило Мишино возвращение.

Ему казалось, что от Миусского кладбища под улицей прорыт ход, соединявший подвал дома с могилами. Мертвецы покидают могилы и приходят в подвал, чтобы утянуть Мишу в свои старые склепы.

Этот ужас длился несколько лет. Тьма подвала преследовала, жалила, впрыскивала яды гниения. Эти яды растекались в крови, оседали на стенках сосудов, рождали кошмарные сны. Когда кошмары кончились, он решился спуститься в подвал. Дверь была заперта, валялось сырое тряпье, пахло плесенью и кошачьей мочой.

Яды, отравившие кровь, иногда давали о себе знать. Его охватывал озноб, колотун, судорога била во все части тела, и он сотрясался, не согреваясь под несколькими одеялами, боясь умереть.

Однажды он испытал подобие детского ужаса, когда учился в университете на филфаке. Изучал пушкинского «Евгения Онегина», читал «сон Татьяны». Его посетил кошмар и бил колотун. «Младая дева» в окружении нечисти напомнила о подвале, набитом мертвецами, которые гнались за ним по лестнице до дверей с табличкой «Блюменфельд». Видимо, Пушкину был ведом этот кошмар. Быть может, этот кошмар и вложил ему в руку дуэльный пистолет.

Миша Лемнер был сыном интеллигентных родителей, смиренно преподававших иностранные языки. С детства свободно говорил по-французски, знал английский, коверкая, изъяснялся по-немецки.

В соседних домах жил его сверстник по фамилии Стуков с редким именем Вавила. «Вава», как его звали дворовые. Его отец работал слесарем в автобусном парке, а мать была уборщицей в магазине. Иногда Михаил и Вава встречались в проходных дворах, и Михаил ловил злой взгляд Вавилы и старался расслышать слова, которые бормотали узкие губы Вавы. Однажды удалось расслышать. Они встретились у домов на асфальтовой дорожке. В доме шёл ремонт, и валялись разбитые отбойными молотками куски асфальта. Им было трудно разминуться, и Михаил задел Ваву плечом. Тот блеснул круглыми рыжими глазами и сказал: «Жид!» Как моментально собираются в целое рассыпанные детали оружия, так сложились в Михаиле все его мышцы и хрящи и превратились в удар, который он направил в рыжие ненавидящие глаза Вавы. Удар пришёлся в костяное надбровье, Михаил костяшками кулака ощутил твёрдость чужого черепа. Вава ударил его в ухо, и Михаилу показалось, что ухо срезали. Они вертелись на глыбах асфальта, ударяя друг друга. Из окон домов выглядывали люди, кричали: «Бей! Бей!» Они били ногами, хрипели, харкали. Раздирали друг другу куртки. Вава ногтями соскрёб с лица Михаила кожу, и глаза ослепли от крови. Набрякшая, с синей веной, шея Вавы давила ему на лицо, и он рванул её зубами, стараясь перекусить вену. Над ними плясало и жгло слово «Жид», обладавшее чудовищной разрушительной силой. Люди в окнах кричали: «Давай! Давай!» Оба упали, катались. Вавила оседлал Михаила, сверху бил кулаком в лицо, ещё и ещё. Из разбитых губ летели красные брызги, а из глаз огненные длинные искры. Слабея,

зная, что его убивают, Михаил собрал для рывка все ослабевшие мускулы, крутанулся, спихнул Ваву, навалился, шаря вокруг рукой. Нашупал кусок асфальта. Видя сквозь кровь голову Вавы с завитком волос на макушке, со всей силы ударил асфальтом. В этом ударе была свистящая беспощадность, желание убить. Ничего, кроме желания убить. Чёрный огрызок асфальта приближался к макушке, и что-то на лету задержало руку, словно кто-то перехватил запястье. Удар оказался слабее смертельного. Было слышно, как зубец асфальта погрузился в кость головы, Вава обмяк, стал рыхлым. В нём опали все бурлящие мышцы. Просипев «Хорош!», Михаил сполз с Вавы, отшвырнул ломоть асфальта. Стоял на коленях над поверженным Вавой, а люди из окон свистели: «Добей! Добей!»

Вспоминая драку, Михаил старался повторить в себе эту свистящую ненависть, летящую не из него, а сквозь него, из тьмы. Это чувство было упоительно, как безумье, было свободой, когда исчезали все препоны, и осталось огненное неодолимое стремление убить.

Вава с забинтованной головой попадался ему во дворах, но уклонялся от встречи, увиливал в проулок. Скоро и вовсе съехал, и Михаил почти забыл о нём. Но иногда вспоминал жуткое и сладкое освобождение, летящий к голове кусок асфальта, ликующих в окнах людей и чью-то незримую руку, перехватившую запястье.

Их встреча случилась через десять лет, в дешёвом баре. За столиками напивались неопрятные шумные мужики. Женщины с припудренными лицами хохотали, открывая зубы, розовые от помады. Михаил Лемнер, безработный, с пустым бумажником, после неудачного дня забрёл в дешёвый бар и попросил у бармена водки и томатного сока. Рядом, боком, сидел человек в камуфляже, без погон, уперев в стойку грязный солдатский башмак. Лемнер опустил в стакан с соком нож и лил на лезвие водку из рюмки, наблюдая, как над красной мякотью копится прозрачный слой водки.

– А просто нельзя? Хряп, и хорош!

Рюмка в руке дрогнула, водка пролилась и смешалась с соком. Лемнер зло повернулся и увидел синеватые желваки, узкие стальные губы и рыжие волчьи глаза.

– Вава, ты?

– Михась!

Секунду смотрели один на другого, стараясь вспомнить ярость и ненависть, с какими расстались. Но ярость и ненависть не вспоминались, а вернулись весёлость и лёгкость давнишних лет, когда кружили по дворам, как кружат по тропам молодые лесные звери, и в соседней бане в окне появлялась распаренная розовая женщина, моргала мокрыми глазами, а в тире хлопали духовые винтовки и звякали перевёрнутые мишени, и кладбище, колючее, сухое, вдруг превращалось весной в душистое изумрудное облако, и через дворы каждый раз в одно время проходил высокий старик с усами, опираясь на палку, уходил в одну сторону и не возвращался обратно. Это весёлое время вернулось к обоим, и они ударили друг друга, ладонь о ладонь, и Лемнер почувствовал дружелюбную силу удара.

– Как ты? Что? Откуда?

Вава отвоевал Вторую чеченскую в разведроту. Вываливался из люка подбитой боевой машины. Соскребал с брони красные кишки командира роты. Рыхлил снарядами сёла, вытаскивая из ям пленных с обрубками пальцев. Допрашивал бородачей, втыкая им в зад телефонный провод. Поднимал на вертолёте полевых командиров и выталкивал в открытую дверь, видя, как удаляется чёрная борода и беззвучно орущий рот. Увозил с войны вещевой мешок с медной трофейной вазой и цветную колодку ордена, которая ярко горела на поношенном камуфляже. Лемнер, не сведущий в орденах, не спрашивал за что и какая награда.

– Ни разу не зацепило?

– Ни царапины.

– Ни осколок, ни пуля?

– Только кусок асфальта.

Вава наклонил голову, и Лемнер увидел макушку с завитком волос и вмятину, оставленную ударом асфальта. Оба засмеялись и снова хлопнули по рукам.

- Чем думаешь заняться? – оба пили, поочередно угощая друг друга.
- Не знаю. Может, водилой в такси. Может, к братве подгребу. Зовут.
- Там уж точно башку пробьют. Есть план.
- Говори.

И Лемнер поведал Ваве проект, который созрел в нём во время неудачных коммерческих начинаний. Окончив филфак, не найдя работы, пробовал торговать батарейками, доставлял покупателям пылесосы, лепил глиняные кружки с портретом царя и двуглавым орлом. Поработал официантом в плохеньком ресторане. Послужил ходячей рекламой, таская на себе вывеску с нарисованной женской туфлей. Всё было мелко, временно, безденежно.

Он замыслил стать сутенёром, отлавливать на вокзалах приезжих провинциальных красоток, запускать их в московские подворотни, обеспечивая им защиту, собрав команду из неприкаянных безработных военных. Таким неприкаянным, безработным был Вава.

- Согласен?
- Ну, у тебя еврейская голова!
- Еврейская, не пробитая! – и они в третий раз стукнули кулак о кулак.

Так, в безумные «девьяностые» зародилось агентство «Лоск», поставляющее элитных проституток, и частное охранное предприятие «Волк», обслуживающее малый и средний бизнес.

В охранное предприятие «Волк» за услугами обращались мелкие торговые фирмы, держатели складов, хозяева магазинов. Среди них объявился симпатичный торговец краснодарскими яблоками, потомственный кубанский казак Гульченко. Он угощал охранников душистыми краснобокими яблоками. Когда в них вонзались зубы, они вскипали медовым соком. Гульченко выкупил местечко на Даниловском рынке и торговал плодами благодатных кубанских садов. Но торговле наступил конец, когда к Гульченке подошёл азербайджанец Фуат и велел убираться с рынка, где каждое торговое место принадлежало азербайджанским торговцам. Они торговали виноградом, гранатами, апельсинами, ананасами, бананами, арбузами, дынями, а ещё осетрами и сёмгой. Краснобоким кубанским яблокам было среди райских плодов не место. Гульченко пробовал возражать, но Фуат откинул фартук, испачканный кровавым гранатовым соком, и показал нож с костяной узорной ручкой.

- Разрежу тебя, как яблоко, на четыре ровные части!

Это были времена, когда на рынках шла стрельба и гремели взрывы. Гульченке стало горько за казачий род, усмирявший Кавказ. Но в его роду давно уже не махали шашкой и не сшибали пулей абреков. Он отправился в охранное подразделение «Волк» искать защиту.

Лемнер сам отправился на Даниловский рынок, бродил среди прилавков, дивился сказочным райским плодам. Заговаривал с черноусыми белозубыми торговцами, отщипывал сладкую виноградину, клал под язык медовый ломтик дыни. Любовался апельсиновыми пирамидами, полосатыми арбузами с алой хохочущей сердцевиной. Высматривал Фуата. Азербайджанец был с жирными плечами, синими щеками, масляными волосами и голыми, покрытыми шерстью, руками. В толстых пальцах качались чётки. К нему подходили торговцы, кланялись, прижимали руки к груди. Фуат раздавал указания, и торговцы смиренно уходили. Яркий пример восточного деспотизма.

Лемнер не стал приближаться к Фуату, послал к нему двух охранников, чтоб те урезонили кавказца.

Лемнеру не сказали, как проходил разговор. Охранников привезли со множеством переломов, с пробитыми головами и следами ранений, нанесённых ножом с костяной узорной ручкой.

Лемнер приказал начштаба Ваве собирать подразделение «Волк». Они негромко пропели гимн со словами «У каждой пули есть своя улыбка» и «Несу на блюде голову врага».

На трёх машинах приехали на Даниловский рынок. Двинулись сквозь ряды к закутку, где обосновался Фуат. По пути опрокидывали горы апельсинов, расшвыривали ананасы, пинали арбузы, которые взрывались от ударов красной мякотью. Лемнер крушил неистово, испытывая хмельное веселье. Видел, как комья красной икры липнут к испуганным лицам торговцев, как валится гора персиков, как чавкает под ногами фиолетовый виноград. Это было восхитительное, неудержимое побоище. Хотелось крушить рынок, окрестные дома, город, весь мир, готовый разлететься вдребезги, как перезревший арбуз.

Фуат сидел в закутке и пил из пиалки чай, хватал пальцами сладкие орешки. Когда Лемнер всаживал пулю в его синие щёки и полезшие на лоб глаза, тот всё ещё жевал орешек и нёс к губам восточную пиалку.

Погром был молниеносный, возмездие праведное. Честь подразделения «Волк» восстановлена. Уходя с рынка, охранники отыскивали уцелевшее блюдо, положили на него отсечённую баранью голову и поставили на толстый живот Фуата.

Через день состоялось шествие азербайджанцев, торговавших на московских рынках. Тёмная толпа, шаркая тысячью ног, валила по Садовой. Несли на кушетке тело убитого Фуата. Его живот выступал под белой пеленой. Азербайджанцы выкрикивали угрозы, требовали расправы над русскими фашистами. Лемнер и Вава сидели в кафе, на открытой веранде, пили лёгкое французское вино, созерцая мутное шествие.

Погром на Даниловском рынке и резня в Свиристелово были для Лемнера драгоценным опытом боевых операций. Теперь, обладая этим опытом, в новые времена, он действовал столь же решительно и жестоко.

Совершив ледокольный поход на Северный полюс, оставив на льдине Аллу с букетом красных роз, Лемнер обратился к охранному предприятию «Волк». Он приехал в офис по срочному вызову своего заместителя Вавы, «начальника штаба», и беседовал с ним в кабинете. На стене красовались наглядные пособиями, пояснявшие устройство американской винтовки М-16, израильского пулемёта «Галиль», немецкого танка «Леопард». Таковы были интересы Вавы, разброс которых вызывал у Лемнера уважение.

Вава был в модной кожаной куртке, джинсах, с золотым браслетом на запястье. От него пахло дорогим одеколоном. В нём присутствовала молодцеватость и изящество профессионала, чувствующего красоту и осмысленность работы. Не осталось синеватых желваков, искусанных губ, натёртого железом лица. Оставались глаза, рыжие, волчьи, с жадным блеском ненасытного хищника.

- Что звал?
- Тут такое дело, командир, нарисовалось стрёмное. Нужно решение.
- Сам не можешь решить?
- Стрёмное, говорю.
- Излагай.
- Докладываю.

Вава кратко, по-военному, излагал. В офис явился завскладом древесных изделий. Положил ридикюль со ста тысячами долларов. Просил взять под охрану склад. Прежняя охрана снялась и ушла. Поступил сигнал, что ночью готовится нападение. Хозяин просит взять склад под защиту. Платит сразу.

- Завскладом здесь?
- В коридоре.
- Зови.

Завскладом был кругленький человек, похожий на шарик для игры в пинг-понг. Целлюлоидная лысинка, масляные лампадки глаз, пирожок подбородка. На пухлых пальчиках перстень. В кулачке кожаный ридикюль. Лиловый шёлковый шарф лежал на плечах элегантно, как у директора «Эрмитажа».

– Что можем сделать для вас? – Лемнер был любезен, заметив испуг человека.

– Понимаете, господин Лемнер, охрана склада была полностью обеспечена. Фронттовики, как говорится, с военным опытом. Платили им регулярно, сверх таксы. А тут вдруг снялись и ушли. Мы им говорим: «Останьтесь! Есть договор!» Ни в какую! Их командир отозвал меня: «Мы вам, Аркадий Францевич, благодарны. Но дело такое, что мы уходим». – «Да в чём вопрос?» – «Скажу по секрету, потому что уважаю. К вам ночью такие люди придут, что или мы их пропустим, или от нас фарш останется». И ушли. К вам обращаюсь, господин Лемнер. Услугу оплатим, – завскладом поставил на стол ридикюль, щёлкнул запором, и пахнуло тиной болот. Ридикюль был полон долларов.

– Что на складе?

– Дровесина. Вагонка, фанера, мебель, кухни, паркет.

– Зачем всё это брать с боем? Может, кухни из африканских пород? Красное дерево, баобаб, эвкалипт?

– Да нет! – завскладом нервно оглаживал ниспадавший по плечам лиловый шарф. – Береза, сосна, ясень!

– Кто хозяин склада?

– Вы слышали. Известная фирма «Орион», русский партнер «Икеи».

– Ну что, начштаба, берёмся? – Лемнер обратился к Ваве.

– Из уважения к «Икее».

– Тогда поезжай с завскладом на местность. Осмотри объект. Вернёшься, доложишь.

Выезжаем на четырёх машинах.

– Большие стволы берём?

– Большие деньги, большие стволы.

Лемнер кинул ридикюль в сейф. Человечек с перстнем радостно гладил шёлковый шарф.

Глава девятая

Четыре машины, набитые охранниками из подразделения «Волк», шли по Ново-Рижскому шоссе среди синих вечерних лесов. «Волки», как звал их Лемнер, были в одинаковых тёмных куртках. Под мышками бугрились пистолеты. У ног лежали «калаши». Лемнер держал автомат, ещё пахнувший смазкой, добытый у вороватого прапорщика на ружейном складе. На боку висела кобура с пистолетом. К плечу прилепилась рация. В кармане торчала граната.

Машины ушли с шоссе и катили по асфальту к длинному, прямоугольному, как брусок, зданию склада. В сумерках на чёрном фасаде горела красная надпись «Орион». Тянулась изгородь с колючей проволокой. За складом стоял лес, деревья чернели на лимонной заре.

У шлагбаума их встретил завскладом.

– Спасибо! Ай, спасибо! Да поможет нам Бог! – он крестился пухлыми пальчиками, ударя перстнем в лоб. Не довершив крестного знамения, побежал открывать шлагбаум. Тут же, с колёс, бойцы охраны рассыпались по территории, занимали позиции. Лемнер наблюдал, как расторопно и умно Вава выстраивает оборону. Помещает бойцов за грудой деревянных ящиков, за цистерной с надписью «Орион», с двух углов склада. Группу «волков» вывел с территории и посадил в придорожных кустах. Отдавая команды, он скашивал голову к рации, и казалось, он целует себя в плечо.

Лемнер присел на ступеньку сторожевой будки у шлагбаума, но Вава его прогнал.

– Сел на линии огня! Ещё на лбу мишень нарисуй! Ступай к «колючке», за бетонный столб. И прижмись!

Лемнер примостился на деревянной катушке с остатками кабеля. Кривой, похожий на виселицу столб наклонился над ним. Чуть мерцали витки «спирали Бруно». Над складом, окружённая лёгким заревом, краснела надпись «Орион». Лес чернел на меркнувшей ночной синеве. В стороне текла и дрожала огненная трасса. Огонь пульсировал в световоде, его брызги летели в поля. Лемнер держал на коленях автомат, готовясь вскинуть и бить по атакующей цепи. Но атаки не было. Пахло холодной травой, пульсировала далёкая трасса. Лемнер рассеянно думал, что хорошо бы увеличить численность подразделения «Волк» и разжиться бронемашинами и гранатомётами, которые предлагал ему вороватый прапорщик. Он представил, что в этот час, под негасимым полярным солнцем, сверкает огромная льдина. Краснеет букет стылых роз. На стуле в норковой шубе сидит Алла. На её твердом, как белый мрамор, лице краснеет помада. В раскрытых глазах синий лёд. Она прижала к животу пальцы с ярким маникюром, и под пальцами в животе красной льдинкой застыл плод. Его нерождённый сын.

Лемнер увидел, как с трассы скатилось несколько огней, потекли, приближаясь. Глазасто надвинулись. Три пары фар брызнули, освещая будку, шлагбаум. Погасли. Лемнер слышал, как хлопали дверцы машин. Из черноты зазвенел металлический голос:

– Открыть шлагбаум! Повторяю, открыть шлагбаум!

– Кто такие? Пропуск на въезд! – Вава не был виден, но Лемнер узнал его голос.

– А на тот свет пропуск не хочешь? Главного ко мне!

– Ты кто такой бугор явился? Пропуск, или уматывай!

– Три минуты на размышление! Время пошло! – прозвенел мегафон.

Лемнер чувствовал, как распадаются молекулы воздуха. Секунды текли. В темноте шёл лавинообразный распад молекул.

Стукнуло. Озарилось лицо. Полетел комочек огня, впился в будку. Ахнуло, расшвыряло взрывом. Польшнули в черноту горящие обломки, и темнота загремела, расцвела множеством дрожащих цветков. Красные иглы окружили Лемнера, искали. Он вжался в столб, хотел втиснуться, стать столбом, превратиться в бетон. Вокруг чертило воздух, пули звенели и отскакивали от металла, с хрустом входили в деревянную катушку.

– Заходим! – звенел мегафон.

«Волки» огрызались. Автоматы били из-за углов склада. Дульные лепестки трепетали по всей территории.

Лемнер видел, как мимо горящей будки бегут люди, на полусогнутых, и на их автоматах загораются алые лепестки. Страх схлынул.

Его окружал бой. Он был в центре боя. Был захвачен боем. Он искал место, чтобы не попасть под пули. Отскакивал, и там, где только что находился, пули дырявили ящики, секли бетон. В нём открылось ясновидение. Он схватывал моментальный чертёж боя, его биссектрисы, углы, ломаные линии. Они менялись, пропадали, возникали в новом месте. Он бежал, отпрыгивал, перескакивал преграды, и бил из автомата по мелькавшим теням, в красные розочки на дулах чужих автоматов.

– Мерси, мадам! – кричал он, меняя рожок. – Бонжур, месье! – выкрикивал нелепо по-французски.

Это было упоение, восторг, дивная свобода, в которой исчезала плоть и сотворялся неистовый дух, счастливая дикая страсть.

– Силь ву пле, мадам!

Он увидел человека, его жутко блеснувшие глаза, ладони с растопыренными пальцами, которыми он хотел оттолкнуть Лемнера. И в эти пустые, без автомата, ладони, в жуткие, с огромными белками, глаза Лемнер всадил очередь. Когда дуло задиралось вверх, он возвращал его к этим глазам, продолжал стрелять в упавшего, пока не опустел магазин.

На него налетел другой, ещё не стрелял, но уже поднимал ствол. Лемнер выронил автомат, защищался пустыми ладонями, чувствуя, как лопаются перед смертью глаза. Автоматчик ударил, но трасса пошла выше. Он задирает автомат, стрелял в небо, пока не упал. Возник Вава. Держал автомат стволом вниз. Вокруг горели остатки будки.

– Живой?

– Благодаря тебе.

– Себя благодари, что не убил меня куском асфальта.

Бой завершился. Нападавшие волокли к машинам убитых и раненых. Три пары фар брызнули, развернулись, и машины укатили, светя рубиновыми габаритами. Кто-то из «волков» пустил им вслед ненужную очередь.

Заморгали фонарики. «Волки» прибирались на месте боя. Один охранник был «двухсотый», лежал в позе дискобола, заведя руку за спину, поднимая колено в прыжке. Двое «трёхсотых» сидели на ящиках. Одному бинтовали голое плечо, и он матерился. Другому лепили марлю на щёку, пуля сорвала половину носа. Он сипел, харкал кровью.

Лемнер отыскал того, кого убил. Фонарик осветил блестящий комбинезон, в каком ныряют аквалангисты. Руки были в белых перчатках. Глаза открыты, и в них свет фонаря. Из рта торчал язык. Казалось, он показывает язык Лемнеру, как это сделал Эйнштейн фотографу. Лемнер показал язык мертвецу. Наклонился и потянул за ухо. Ухо было теплое.

Вава ходил в стороне за шлагбаумом, светил фонариком. Лемнер видел, как шарит по земле фонарик. Фонарик остановился, и раздался выстрел.

Вава вернулся, и Лемнер его спросил:

– Зачем стрелял?

– Чтоб не мучился. Бонжур, мадам!

Расхаживал среди «волков», раздавал приказания. Трёх убитых в комбинезонах распорядился, пока темно, отвезти в лес и закопать.

Лемнер присел на ящик. Хотел вспомнить то упоительное опьянение, когда в нём исчезла плоть, материя превратилась в энергию, и он стал духом, несущим смерть, не ведающим смерти.

Глава десятая

Появился завскладом Аркадий Францевич. Трепещущий, он подскакивал на одной ножке. Во время боя он прятался в норке. Стихло, он выглянул, не увидел опасности, вылез целиком и теперь благодарил Лемнера, хватал его руку обеими пухлыми ладошками.

– Это было великолепно! Как мы их разгромили! Как они нас испугались! Ах, если бы у меня был автомат!

– Доложите хозяину, что объект взят под охрану.

– Да он едет сюда! Вон его машина!

От трассы к складу плыли фары. Миновали тлеющую будку, хрустально брызнули, встали. Два тяжёловесных внедорожника гасили фары. Телохранители из передней машины гурьбой обступили вторую, тучные великаны с маленькими головами. «Волки», не остывшие от боя, хмуро смотрели на их чёрные пиджаки и белые сорочки с одинаковыми тёмными галстуками. В машине отворилась дверь, показалась нога в начищенной туфле, рука с бледными пальцами. Из машины поднялся Анатолий Ефремович Чулаки, с рыжей, небрежно стриженной головой, курносый надменным носом и множеством веснушек, насыпанных на лицо, как мак на бублик.

Лемнер был поражён. Таинственный завиток судьбы соединял Лемнера, Чулаки, Свето́ча, Ивана Артаковича и Аллу, сидевшую на льдине, как застывшая кукла. Каким образом их всех захватил завиток судьбы, было неясно, но это сулило множество предстоящих событий. События толпились в будущем, торопились стать настоящим.

– Анатолий Ефремович, позвольте представить героя Михаила Соломонович Лемнера. Поверьте, мы отважно сражались. Враг не прорвался. «Ни шагу назад!» Таков был наш девиз, – Аркадий Францевич попытался выгнуть грудь колесом, но мешал животик.

– Вы, Аркадий Францевич, вечно стремитесь в самое пекло. Но ваш шёлковый шарф выдает в вас не головуреза, а эстета, – Чулаки мягко укорил Аркадия Францевича за неуместное молодечество.

Слово «головурез» относилось к Лемнеру, но тот не обиделся. Вспомнил, как голый Чулаки в ошейнике ползал на четвереньках, поднял ножку и помочился на спинку кровати.

– Склад не пострадал? Я просил, чтобы не было стрельбы. У нас в России слишком много болванов, умеющих стрелять, и мало ценителей прекрасного, будь то мысль, картина или бокал итальянского вина.

– Всё в порядке, Анатолий Ефремович. Я грудью заслонял территорию от стрелков.

Слово «болван» относилось к Лемнеру, но и на этот раз он не обиделся. Вспомнил, как Алла оседлала Чулаки, била по рёбрам пятками, а тот сладко повизгивал.

– Не сочтите меня неблагодарным, – Чулаки повернулся к Лемнеру. – У вас лицо интеллигентного человека, и вы поймёте, какие ценности сберегли для России.

Лемнер представился.

Аркадий Францевич поспешил к воротам склада, пошарил на животе и достал электронный ключ. Ворота мягко растворились. Чулаки, а за ним и Лемнер, шагнули в тёмное помещение склада.

– Одну секундочку, Анатолий Ефремович, сейчас зажгу свет, – торопился Аркадий Францевич.

Свет вспыхнул, и Лемнер ахнул. Распахнулся огромный сияющий зал, полы с драгоценным паркетом, солнечные хрустальные люстры. По стенам в золочёных рамах висели картины. Лики, нимбы, ангельские крылья, библейские бороды, дивные женщины, грозные воины. Лики струились, переливались из картины в картину, из одной золотой чаши в другую, как дивные видения.

– Что это? – изумлённый Лемнер, не снимавший с плеча автомат, водил глазами по великолепным картинам. Оружие, недавно стрелявшее, казалось неуместным, кощунственным среди этой красоты. Лемнер оставил автомат у дверей.

– Аркадий Францевич, познакомьте господина Лемнера с собранием картин, – приказал Чулаки.

Аркадий Францевич, толстенький пугливый завскладом, преобразился. Статный, изысканный, с бледным породистым лицом, с шёлковым лиловым шарфом, двумя лентами лежащим на плечах, теперь он походил на известного петербуржца, директора «Эрмитажа». Да он и был им, с жестами чародея и жреца.

– Здесь находятся картины из личной коллекции Анатолия Ефремовича, – Аркадий Францевич широким жестом приглашал Лемнера любоваться. – Это «Спящая Венера» Джорджоне. А это «Весна» Боттичелли. Рядом «Девушка с горностаем» Рафаэля. За ней «Динарий кесаря» Тициана. Ну, а здесь, я думаю, вы узнаете, картина Леонардо да Винчи «Мона Лиза».

Лемнер плохо знал живопись, но умел её ценить. Это были мировые шедевры, хотя по настоящему ему нравилась единственная картина, та, что висела у него дома, «Пшеничное поле возле Оверна». Но эти картины ослепили его своей царственностью. Их создавали гении, которые являлись на Землю из иного мира. Сотворяли свои шедевры и возвращались на свою небесную родину.

– Перейдём в другой зал, – приглашал Аркадий Францевич. – Вы только что видели итальянцев, а здесь испанцы и голландцы. Это «Сдача Бреды» Веласкеса. Рядом «Маха раздетая» Гойи. Это две картины Эль Греко. Но а это «Слепцы» Брейгеля. Как это напоминает наших сегодняшних вождей с бельмами на глазах, ведущих слепой народ в пропасть!

Лемнеру казалось, что он видел эти картины, путешествуя по Европе. Они висели в знаменитых музеях мира. В итальянском Уффици, в Лувре, в мадридском Прадо. Но это собрание превосходило все мировые коллекции. Меценатом, собравшим шедевры, готовым передать их России, был Анатолий Ефремович Чулаки. Виляя голым задом, он бежал на четвереньках, неся в зубах туфлю проститутки Аллы. Теперь, созерцая коллекцию, Лемнер прощал Чулаки излишнюю эксцентричность, объясняя её свойственной коллекционерам увлечённостью.

Одни залы следовали за другими. В них был светящийся воздух храмов, торжественность и праздничность дворцов. Угрюмый чёрный брусок склада с унылой надписью «Орион» оказался дивным чертогом. Человечество, в лице Анатолия Ефремовича Чулаки, поместило в чертог свои духовные достижения, и Лемнеру, как подлинно русскому человеку, было лестно, что сокровища разместились в России на пятнадцатом километре Ново-Рижского шоссе.

Они шли по залам. «Даная» Рембрандта соседствовала с Босхом, с его «Садом земных наслаждений». А дивная «Шоколадница» Вермеера сияла рядом с «Распятием» Грюневальда.

И невероятным, феерическим казался зал импрессионистов. Райские острова Гогена, мистическое небо Ван Гога, голубые балерины Дега.

– А это «Герника» несравненного Пикассо!

Они остановились перед картиной. В клубках и кровавых кляксах, среди оскаленных пастей и изуродованных тел клубилась разноцветная липкая тьма. Глядя на картину, Лемнер замер. Она была из детских кошмаров, когда он вбегал в подъезд и мчался мимо подвала, а за ним гнался липкий ужас, пытался его схватить, затянуть в свой клубящийся ад. Он с криком летел по лестнице, слыша погоню, пока ни возникла спасительная дверь с табличкой «Блюменфельд». Теперь этот ужас вернулся. «Герника» вышла из давнишнего подвала. В том подвале сидел Пикассо. Его изуродованное бредом лицо явилось однажды Лемнеру в рюмочной на углу Палихи и Тихвинской улицы.

Он почувствовал, как начинается озноб. Проснулись старинные яды, разлились по крови. Его бил колотун. Лемнер стоял, сотрясаясь, перед «Герникой», а Чулаки, не замечая его конвульсий, пояснял:

– Президент Троевидов хочет развязать войну с Украиной. Думает, что это будет парад на Крещатике, и он помолится в Святой Софии Киевской. Но он не знает, что эта война превратится в ужасную бойню. В ней погибнет Украина, Россия, вся Европа. Минотавр войны придёт в Кремль и насадит Президента на свой витой рог. Этим минотавром буду я. Я его сокрушу. Он губит дело моей жизни. Но я раскрыл тайну «мнимого числа». Я извлёк корень квадратный из минус единицы и вычислил нахождение России Мнимой. Хочу заменить отвратительную русскую подлинность восхитительной русской мнимостью. Осуществить Великий Переход и избавить мир от России Президента Троевидова. Чтобы мир обрёл, наконец, покой. Хочу избавить мир от России, а Россию от себя самой, чтобы и она обрела, наконец, покой. Я создал Вероучение Мнимой России. Создал церковь, исповедующую это вероучение. Собрал апостолов, несущих вероучение в народ. Разработал магические практики, позволяющие найти коридор из России Подлинной в Россию Мнимую и осуществить Великий Переход. И пусть эти практики покажутся излишне brutальными, как казались brutальными кровавые операции скопцов или развратные оргии Распутина с фрейлинами Двора. Вы, господин Лемнер, сподобились узреть эти шедевры и тем самым приобщились к церкви России Мнимой. Я сведу вас с нашей весталкой Аллой. Она познакомит вас с мистическими практиками Великого Перехода. Она примет вас в своей жреческой молельне на Патриарших прудах.

Чулаки видел, как сотрясает Лемнера колотун. Полагал, что так действует вероучение России Мнимой, которое Лемнер начал постигать.

Откровения Чулаки казались болезненной выдумкой. Лемнер был чужд мистических теорий о России Мнимой. Он был не чужд проституток, денег, грубых парней с пистолетами под мышкой, злых забав, вкусных вин. Но в нём таилась нераскрытая сущность, тяготевшая к большим фантазиям, тёмным верованиям, невнятным предсказаниям. «Корень квадратный из минус единицы» пленял воображение, как розовая морская раковина с таинственным моллюском. Этим моллюском была Россия, непостижимая, сокровенная, потусторонняя, постичь которую можно только в безумии.

Понемногу колотун унялся. «Герника» была по-прежнему ужасающей. Но теперь она погрузилась в Лемнера. Это была картина его духовного мира. Он был автор этой картины, был Пикассо.

– Вы готовы вступить в церковь Великого Перехода? – вопрошал Чулаки.

– Готов, – пролепетал Лемнер. – Хочу пополнить коллекцию полотном Винсента Ван Гога «Пшеничное поле возле Оверна».

Розовая раковина растворила свой зев, мерцала влажная, нежная плоть, созревала жемчужина.

– Принимаю ваш дар, брат Лемнер, – Чулаки милостиво кивнул.

Они прошли череду залов и оказались в небольшой уютной гостиной. Здесь стояли кресла, диван. Золото, красное дерево, малиновая парча, шитая серебряными королевскими лилиями. Любезный Аркадий Францевич угощал чаем.

– Я слышал о шедевре Ван Гога «Пшеничное поле возле Оверна». Чудесно, что он пополнит нашу коллекцию, – Аркадий Францевич наклонял над пиалкой Лемнера чайник с китайским узором. В его тёмном бархатном сюртуке заверещал телефон. Аркадий Францевич стал слушать, кивать.

– Анатолий Ефремович, приехали апостолы. Прикажете звать?

– Зовите.

Лемнер чувствовал, как толпившиеся в будущем события надвигаются, становясь настоящим. Дверь гостиной раскрылась, и вошли апостолы. То были вице-премьер Аполинарьев, ректор Высшей школы экономики Лео, режиссёр Серебряковский, публицист Формер.

Лемнер чувствовал, как плотно сжимается завиток истории, захвативший их всех одной петлёй. В этом захвате был тайный умысел. Он случился не сейчас, не вчера, а гораздо раньше,

быть может, в детстве, когда из подвала кидалась на него неистовая «Герника», и он спасался у квартиры с биркой «Блюменфельд». Позднее он заглянул в рюмочную на углу Палихи и Тихвинской и заметил среди пьющих мужиков красную ошпаренную рожу пропойцы, свирепо бьющего о стол сушёной воблой. Этим краснорожим мужиком был Пабло Пикассо.

Мнимое число было вывернутой наизнанку перчаткой. В розовой раковине мерцала нежная чуткая плоть. «Корень квадратный из минус единицы» был «Вавилонской башней Брейделя», опрокинутой в центр Земли.

– Братя, знакомьтесь, Михаил Соломонович Лемнер. Спас наше хранилище от налётчиков Светоча. Рисковал жизнью. Я посвятил его в вероучение России Мнимой, и он готов к Великому Переходу.

Лемнер поочередно жал руки апостолам, вспоминая, как один, голый, в зелёной тине, кидался в тростники. Другой ввинчивал себе в глазницу раскалённый болт, сидя в кипящем масле. Третий из набухших сосцов метал в подойник звонкие млечные струйки. Четвёртый залез в табуретку, выставил грозный кулак, читал второй том «Капитала».

Сидели в креслах, пили из восточных пиалок душистый чай. Лемнер делал маленькие глотки, опасаясь, что в пиалки налит настой лесных колокольчиков.

– Должен сообщить, братя. Приказ о начале войны с Украиной лежит на столе Президента. Троевидов подпишет его, как только Марс встанет напротив Нептуна, а Венера уйдет за Плутон. Так нагадала известная вам гадалка, – вице-премьер Аполинарьев пальцем водил по потолку, словно чертил орбиты планет и звёздные пути. Оставшись наедине с проституткой Аллой, он изображал корову. Он был по-коровьему губаст, уши, покрытые шерстью, шевелились, бёдра казались непомерно широки, в штанах колыхалось тяжёлое вымя. Он то и дело дергал крупом, словно бил себя по бокам хвостом. Так поступает корова, когда на неё садится слепень. – Ещё сообщаю, братя, что приобрёл для нашей галереи картину Рафаэля «Сикстинская мадонна». Храню в надёжном месте. Пусть меня пытаются ищейки Троевидова, я не открою им этого места.

– Пора устранить Троевидова. Друзья из Англии торопят. Предлагают прислать беспилотник-невидимку, если мы точно укажем местонахождение Президента. Но он постоянно меняет дислокацию. К тому же множатся двойники, – ректор Высшей школы экономики Лео сжимал губы дудочкой. Лемнер помнил, как Алла учила его дышать из пруда в камышовую трубочку. – Сообщаю, братя. Я добыл картину Боттичелли «Рождение Афродиты». Она в надёжном месте. Пусть ищейки Троевидова выкалывают мне глаза, я не укажу им этого места.

– Братя, физическое устранение Троевидова исключает суд над ним. А нам нужен процесс. Нужен Суд Народов. Будем возить Троевидова в клетке по городам Европы. Я берусь устроить из этого грандиозный спектакль. О, великий Данте, ты подсказал мне сюжет! – режиссёр Серебряковский захохотал сатанинским смехом, каким смеялся, когда Алла вонзала ему в лоб свой отточенный каблук. – Сообщаю, братя, что картина Рембрандта «Ночной дозор» находится в секретном месте. Пусть пытаются меня палачи Троевидова. Мученья мне в радость. Они не найдут картину.

– Братя, пора сообщить другим нашим братьям день Великого Перехода. Наши сторонники в Государственной думе и Совете Федерации, в армии и спецслужбах, среди дипломатов и профессуры, писателей и артистов, в церкви и правительстве – все они хотят знать день Великого Перехода, – публицист Формер не удержался и изобразил «Девушку с веслом», причём столь правдоподобно, что у него появилась женская грудь и великолепное тугое бедро. – Хочу обрадовать вас, братя. Картина бесподобного Ренуара «Мадам Самари» мною хранится в тайнике. Туда не доберутся следопыты Троевидова. Пусть насадят меня на весло!

Лемнер понимал, что перед ним члены тайного ордена, братя масонской ложи. Он принят в их круг, посвящён в вероучение Мнимой России. Ему откроется тайна числа «Корень

квадратный из минус единицы», и распахнутся врата в Россию Мнимую, где его ждёт неизречённое бытие, и нет смерти.

Он оказался на пересечении трёх огненных линий. Его приблизили к себе три самые влиятельные в государстве персоны. Светоч, Иван Артакович Сюрлёнис и Анатолий Ефремович Чулаки. Все враждовали друг с другом. Все были тяжёлыми жерновами Русской истории, которая не уставала молотить. На эту русскую мельницу залетело горчичное семя, возвращённое в пустыне Негов, он, Михаил Соломонович Лемнер. Эти жернова перетрут его в пыль, и сквозняк Русской истории разнесёт пыль по полям, заросшим борщевиком русской смуты.

– Я выслушал вас, братья, и должен заметить, вы изрядно потрудились во имя России Мнимой, – Чулаки благосклонно кивнул, и его похвала была любезна братьям. – Картины, которые вы обрели, ждут часа, чтобы пополнить наше собрание, перед тем как мы переправим его в Россию Мнимую. Хочу пояснить нашему новому брату Лемнеру. Авторы картин – Боттичелли, Рафаэль, Брейгель, Дега – всё это русские художники, обитающие в России Мнимой. Там они носят простые русские фамилии. Мы с вами, когда перенесёмся в Россию Мнимую, обретём простые русские фамилии, Ивановы, Петровы, Сидоровы. – Чулаки провёл ладонью по своим веснушкам, словно менял лицо. Но оно осталось прежним, для многих в России отвратительным. – Теперь о главном, братья. Близится час Великого Перехода. Предстоит смертельная схватка. Троевидов бросит на нас всю мощь своей армии и силовых структур. Чем мы ему ответим? Прелестными ножками балерин Дега? Копьями картины «Падение Бреды»? Или омарами и камбалами с картин «малых голландцев»? Нам нужна своя армия. И мы её создадим, – Чулаки повернулся к Лемнеру. – Вы, брат Лемнер, прекрасный воин. Вы это доказали сегодня. Заслуживаете большего, чем охранять магазинчики мелких жуликов или предприятия удачливых воров. Я отправлю вас в Африку. Там я владею урановыми рудниками, золотыми приисками и алмазными копами. Вы возьмёте их под охрану. Для этого вам нужна армия. Мы поможем её создать. У вас будут отличные солдаты, первоклассные броневики и танки, вертолёты и системы космической связи. Вы обкатаете армию в Африке. Там кипят военные перевороты, бесчинствуют французы. А когда поступит приказ, приведёте армию в Россию. Она обеспечит переход в Россию Мнимую. Брат Лемнер, вы не боитесь Африки?

Мысли Лемнера метались, как искры между электродами. Ему была предсказана Африка, как предсказан Северный полюс. Он не был хозяином своей судьбы. Его судьбой управляли. Управляла колдунья с прекрасным средиземноморским лицом. Её колдовские глаза были оболстительны и вдруг становились недвижными глазами осьминога, всплывшего из глубин.

– Вы не боитесь Африки, брат Лемнер?

– Не боюсь, – пробормотал Лемнер. – Раньше русские шли в Африку с Карлом Марксом, а теперь мы пойдём с Пушкиным. Африка привела Пушкина в Россию, а Пушкин приведёт Россию в Африку.

– Как глубоко! Так пусть же ваша африканская армия именуется «Пушкин». А вы, брат Лемнер, станете «пушкинистом»! – Чулаки засмеялся, затряс щёками, и все веснушки осыпались. Подал знак. Апостолы снялись с кресел и покинули галерею.

Склад был чёрный, как угрюмый брусочек. Уныло светила надпись «Орион». Чулаки и апостолы погрузились в машины. Брызгая фарами, машины ушли к шоссе и утонули в световом огне. Над чёрным лесом занималась заря.

К Лемнеру подошёл Вава.

– Что за бакланы? – кивнул вслед исчезнувшим машинам.

– Вава, ты знаешь, где Африка?

– Оттуда приезжают в Россию чёрные проститутки с козыми сосками и курчавыми лобками до плеч.

– Обзаводись тропической формой и купи панаму.

– Понял, командир.

Глава одиннадцатая

Африка дохнула парилкой, эвкалиптовым венником, обожгла затуманенным солнцем, ослепила фиолетовыми цветами огромного дерева, в котором бушевал жаркий ветер, и глаза слезились от едкой пылицы. Лемнер смотрел, как садятся на бетон ревушие транспорты, опускаются аппарели, выкатываются длинные, как ящерицы, бэтээры, осторожно щупают колесами африканскую землю и катят, растекаясь по аэродрому, нацелив пулемёты на мутные, горчичные холмы.

Тусклый блеск алюминия на брюхатых самолётах. Масленное солнце на стволах пулемётов. Огромная вялая птица пролетела над Лемнером, осмотрев ненавидящим взглядом. Такой он увидел Африку, и она ему понравилась.

Его встретил Вава. Оба были в пятнистой, с короткими рукавами, форме, в панамах с мятыми полями. Начштаба тут же, под свист турбин, докладывал обстановку.

– Аэродром Банги блокирован. Подъезды к Президентскому дворцу под контролем. Французы не дергаются. Их самолёт из Дакара подошёл к Банги, увидел, что обломилось, и повернул. Тебя в аэропорту ждёт этот чёрный малый Мкомбо. К вечеру мечтает стать президентом. Могу отправить обратно в джунгли. Пойдёшь говорить?

– С французами в бой не вступать. Штурмуем дворец с колес. Ты, Вава, не наглей. Ты, «гордый внук славян», принёс народу Африки свободу и «долго будешь тем любезен ты народу». А потом тебя тихонечко закопают в красную африканскую землю. Ты меня понял, Вава?

– Понял, командир.

Мимо катил бэтээр. На серой броне белой краской был начертан профиль Пушкина, такой, каким Пушкин рисовал себя на полях рукописи «Евгений Онегин».

В здании аэропорта со следами короткого боя, на диване с распоротой пулями спинкой сидел лидер повстанцев Мкомбо. Он ждал, когда начнётся штурм Президентского дворца, из дымящего здания выведут свергнутого президента Блумбо, и в его золочёный кабинет сядет Мкомбо, получив страну, полную урана, золота и алмазов.

– Месье Мкомбо, – Лемнер по-французски приветствовал молодого африканца с тонким шрамом на глянцевитой щеке. – Надеюсь, вы не испытываете неудобств?

Мкомбо протянул тонкую кисть с длинными, как лепестки, пальцами. На одном ярко светился золотой перстень.

– После джунглей это кажется дворцом, – Мкомбо обвёл рукой разгромленный зал.

– Привыкайте к дворцам, месье президент. Привыкнуть легко, отвыкнуть трудно.

– Узурпатору Блумбо придётся привыкать к тюремной камере. Народ станет судить его, как кровавого палача и истязателя.

– А нельзя обойтись без суда? Во время штурма летают пули.

– Блумбо нужно взять живым. Он должен показать зарубежные счета, на которых держит свои кровавые деньги. Они пойдут на восстановление нашей великой и несчастной страны.

– Ваша воля, месье президент.

Лемнер был любезен, как дипломат, коим в эту минуту являлся, и слегка развязен, как вершитель военного переворота, дарующего власть молодому честолюбцу.

Мкомбо не узнал Лемнера, пройдя мимо на торжественном рауте в Москве. Тогда, в Доме приёмов, он беседовал с министром иностранных дел Клёновым. Лемнер запомнил узкий шрам на щеке, надрез, сделанный оточенной раковинной. Такие надрезы получают юноши, теряющие девственность. Тогда, на приёме, Мкомбо был в чёрном смокинге с галстуком-бабочкой. Ночные бабочки, в белых шелках, кружили у фонарей.

– Мои друзья надеются, что за ними сохранятся права на золотые прииски в Бундли и Кванго.

– Это не должно их заботить. Мне сообщили, что французы покидают золотые рудники в Чомбо и Глембо. Вы, месье Лемнер, получаете любой из них, на ваш выбор.

– Вы очень щедры, месье президент. Рассчитывайте на меня, скромного солдата России. По стене над головой Мкомбо побежал большой чёрный паук, мохнатый, с колючими лапами. Лемнер выхватил пистолет и убил паука, оставив над головой Мкомбо кляксу с дырой.

Мкомбо мягко захлопал в ладоши, блестя золотым перстнем.

– Хотел вас спросить, месье Лемнер, что значит рисунок на броне ваших боевых машин? Чья это кудрявая голова?

– Это Пушкин, месье президент. Я привёз в Африку Пушкина. Надеюсь, перед вашим дворцом мы установим памятник этому великому русскому африканцу.

– Я слышал о Пушкине. Он родом из нашей провинции Кванго. Мы все его дети.

Лемнер катил на горячей броне, в чёрных очках, с сигаретой в зубах. Автомат звякал на поворотах о башню. Качался хлыст антенны. Бойцы подразделения «Пушкин» прильнули к броне, в панاماх, выплёвывали сигареты, посылая плевки в раскалённый африканский город.

– Мороз и солнце, день чудесный! – Лемнер сплёвывал с брони на разгромленные лавки, на горящий резиновый баллон, на памятник с отбитой снарядом башкой. – День чудесный!

Столица Банги напоминала разбитый шкаф, из которого при обыске вытряхнули барахло. Косые пёстрые вывески, фонарный поваленный столб, истрелянный синий автобус, расколотые стёкла витрин, лежащий навзничь босой чернокожий солдат. От бэтээра шарахались, ныряли в проулки женщины в синих и красных одеждах. Пальмы раскачивали рыжими космами. Ветер залетал под панаму, кислый, жирный, вонял горелой резиной. Слышались редкие взрывы. Город был захвачен, блокированы казармы, взорваны пункты связи, заперты в посольстве французы. Лемнер катил по захваченному городу, небрежно оседлав бэтээр, с автоматом в голых по локоть руках. Жёсткий, непреклонный, покоритель африканской столицы был подобен американцам, разъезжавшим по Багдаду и Триполи с сигаретами «Мальборо».

– Мороз и солнце! – повторял Лемнер любимый стих. – День чудесный!

От его пулемёта разбегались длинноногие, с полными бёдрами, африканки, прятались в лавках торговцы. Президентский дворец с напуганным президентом Блумбо был беззащитен перед жестокой волей Лемнера. Судьба усадила его на раскалённую броню в центре Африки, и он покорял континент. Банги пестротой, радужными вывесками, хохлатыми рыжими пальмами, цветастыми платьями напоминал попугая в кабинете Ивана Артаковича.

Лемнер усмехнулся, видя, как бежит тонконогая, в жёлтом платье женщина. Ему захотелось свистнуть, как в детстве свистел вслед убежавшей кошке.

Президентский дворец, двухэтажный, с длинным лазурным фасадом и пышным помпезным подъездом, был огорожен металлической узорной решёткой. Выпуклые стёкла фасада переливались. Пестрели клумбы. Цвело огромное лиловое дерево. Золочёные ворота были заложены мешками с песком. В амбразурах темнели пулемёты. На крыше укрылись снайперы, появлялись и исчезали их каски.

Поодаль стояли бэтээры, десяток машин, голова к корме. У бэтээров в горячей тени хоронила группа захвата. Бойцы сидели на корточках, в лёгких серых рубашках, в кроссовках, с короткими автоматами ближнего боя. Над их головами на броне красовался Пушкин: кудри, острый нос, бакенбарды, будто Пушкин прошёл вдоль бэтээров и начертил свой профиль гусиным пером.

«День чудесный!» – Лемнер смотрел вслед уходящему Пушкину, тот шёл беззаботно, словно по невской набережной.

– Бойцы подразделения «Пушкин»... – Лемнер прижался к ребристому колесу бэтээра. Перед штурмом он обращался к бойцам. – На вас из этого знойного неба смотрят Россия и

Африка. Два континента ожидают от вас подвига. Перед вами голубой, как чайное блюдо, дворец. Так пойдите и разбейте блюдо! После этого дворца будет другой, третий, четвёртый! Вы пройдёте по Африке, как русская буря, неодолимые воины севера! Вы изведаете вкус сладчайших африканских плодов. Услышите рыканье львов в саванне. Увидите, как в хрустальных водопадах плещут волшебные рыбы. Узнаете, как пахнут подмышки африканских женщин. Вы лучшие на земле. У вас нет генералов, полковников, майоров. Я такой же, как вы, вольный стрелок, принятый вашим братством. Я пойду на штурм вместе с вами. По завершении штурма, когда вы вытащите из-под дивана эту трусливую чёрную скотину президента Блумбо, вы получите каждый по золотому самородку такой величины, что сможете купить «мерседес». Кому прострелят башку, поставим на родине крест из чёрного мрамора с золотой надписью: «Мы русские, с нами Бог!»

Бойцы преданно смотрели. Он отыскал их в утлых городках и посёлках, увёл из гнилых домов, от пьяных соседей. Дал оружие, нарёк героями. Показал небывалую землю с голубыми горами, розовыми антилопами, длинноногими красавицами. Качая бёдрами, красавицы совлекают узкие платья, и открываются шёлковые груди с длинными сосками, круглые, из чёрного агата, животы, и в пупках мерцают крохотные голубые самоцветы.

– Теперь же, перед боем, споём наш гимн!

Иссохшими от зноя губам они пропели гимн, где были слова: «У каждой пули есть своя улыбка» и «Несу на блюде голову врага».

– Вава, приказ на штурм!

Страшным грохотом застучали пулемёты на башнях. Пули драли мешки с песком, закуривали амбразуры. Миномёты навесили дымные дуги. На клубах выросли взрывы. Долбили по крыше из всех стволов. Подстреленный снайпер кувыркнулся и упал на газон. Трассеры впились в лиловое цветущее дерево, стригли цветы. Из дерева неохотно выпал снайпер, долго падал, цепляясь за ветки.

Лемнер, бок о бок с бойцами, готовый к броску, пружинил мускулами. В нём играла хмельная весёлость, лихое бесстрашие. Контуры мира размыты, жаркая страсть атаки, ты мчишься на пулемёты, находя подтверждение своему бессмертию.

«День чудесный!» – повторял он заветный стих.

Послышался рёв двигателя. От соседних домов к дворцу мчался бэтээр. Люки закрыты, пулемёт отведён назад. Промчался, оставляя синюю гарь. Врезался в ворота, вынося на броне золочёное железо. Докатился до дворца и встал, окружённый дымами.

– Пошли, пошли!

Бэтээр, укрывший бойцов, покатила. Бойцы, согнувшись, перебирая ногами, как сороконожка, потянулись следом. Лемнер слышал звяканье пуль о броню. Ждал, когда откроется бирюзовый фасад, пышный, окружённый лепниной, вход.

«День чудесный!» – повторял он молитвенно.

От входа двумя ручьями бойцы лились вдоль фасада, кидая в окна гранаты. Лемнер и Вава ломались в закрытые двери. Крутили золочёные ручки, разбивали зеркальные стёкла.

– Гони бэтээр!

Бэтээр стальным рылом боднул дверь, въехал в пролом и застрял. Тупо крутил пулемётом, слепо вгонял очереди в стены, в длинные коридоры. Выбегали чернолицые, в малиновых беретах, солдаты, падали, попадая под огонь пулемёта.

– Херачим наверх! – Вава через две ступени скакнул на лестницу, загребая рукой бегущих следом бойцов.

В коридорах шли короткие стычки. На рыльцах автоматов трепетали красные язвочки. Гулко, как в железных бочках, рвались гранаты. Лемнер сипел, задыхался, бил от живота по высокой фарфоровой вазе, дробил на осколки, дырявил высокую, маслом, картину, изображавшую старинную битву. Пустил слепую очередь по бегущим женщинам, по их голым мель-

кающим пяткам, маленьким, в смоляных косичках, головам. Ему хотелось бить, раскалывать, разносить в щепы двери, крушить завалы из стульев, загоняя в комнаты ошалелых солдат. Он испытывал сладость разрушенья. Крутился в разные стороны, окружённый веером пуль, и свирепо кричал:

– День чудесный! Чудесный день, твою мать!

Увидел, как Вава схватился с огромным негром. Оба без автоматов. Вава гнулся под тяжестью громадного тела. Чёрное, с огненными белками, лицо, мокрый оскал зубов. Вава хрипел, старался отодрать чёрную пятерню от своего набухшего горла. Лемнер увидел его предсмертный умоляющий взгляд. Сунул короткий ствол в ребро великану, набил его трескучим свинцом. Видел, как отваливается великан, и Вава устало распрямляется, держит себя за горло.

– Спасибо, командир!

– День чудесный! – Лемнер обжёгся о ствол автомата и кинулся по коридору туда, где рвались гранаты.

Дворец был взят без потерь. Одному бойцу осколком снесло пол-лица. Другому прострелили мякоть. Солдат охраны выводили из дворца и ставили под цветущим фиолетовым деревом. Они переминались, пятнистые, как леопарды, в малиновых беретах.

Лемнер нашёл президента Блумбо под столом кабинета. На столе стояли золотой слон, золотые телефоны, лежал золотой пистолет. Выволок Блумбо за шиворот и поставил среди позолоченных шкафов и кресел под хрустальной люстрой.

– Вы совершаете преступление! Ответите перед Организацией Объединенных наций! Я президент Блумбо!

– Собачий ты корм, а не президент! – Лемнер сунул в карман золотой пистолет, ткнул пленника в пухлый живот и услышал, как в животе булькнуло.

«День чудесный!» – подумал он с благодарностью к тому, кто подарил ему этот день.

Глава двенадцатая

Лемнер полюбил Африку, а Африка полюбила его. Они любили друг друга. Они повенчались. Его рубаха, волосы, панاما, платок, которым повязывал шею, подушка, на которой спал, пахли Африкой. Африканский воздух был сладок и пьян. Пьянил испарениями болот, дурманом винных плодов, колдовскими дымами, соками трав, пылью цветов, прелью звериных стойбищ. Африканские ливни обжигали, как кипяток, ошпаривали, покрывали землю красными волдырями. Всё исчезало в хлюпе и грохоте, и вдруг умолкало. Пар, туманное солнце, летящий розовый фламинго. Африканские ночи были чёрные, замшевые, с бесчётным звучанием невидимых тварей. Стрекот, звон, клёкот, писк, вой, хруст, плач, хохот. Мерцали волшебные светлячки, рисуя таинственные монограммы. Загорались дикие золотые глаза, улетали с земли к вершинам деревьев, гасли, и раздавались рыдания.

Африка была прекрасна, и Лемнер, став африканцем, стал прекрасен. Он оставил суровую, неприкаянную, нелюбезную к нему Россию, полную подвохов, опасных интриг, мстительных и злых соглядатаев, и стал африканцем. Его стеснённая душа распахнулась до синих гор, зелёных океанов, золотых песков, вознеслась к звёздному огнедышащему небу. И он преобразился. Исчезли страх, мнительность, бремя еврейства. Он был отважен, ненаказуем, вооружён, боготворим солдатами. Его боялись, ему подчинялись, он был богат, покорял города и испытывал ликование, веря в свое бессмертие. Он был рождён для Африки, но долгое время не знал об этом. А когда узнал, преобразился. Теперь они встретились с Африкой. Он любил её, а она любила его.

С Вавой они шли по рынку в Банги. Тряпичные навесы, лавчонки, прилавки, пекло, толпище, крикливые торговцы, женщины с тюками на головах, яркие белки, красные языки, синие, алые, зелёные платья, горчичная пыль, сквозь которую жжёт мутное солнце. Лемнер присматривался к товарам и не находил ничего, что бы хотелось купить. Запчасти старых машин, матерчатые абажуры для ламп, наконечники знамён, сапоги французских солдат. Множество ношенных линялых рубах, брюк, платьев, стоптанных башмаков.

Остановились перед торговцем с шоколадным лицом и провалившейся переносицей. На тряпице были разложены гнутые гвозди, болт со стёртой резьбой, ключи без замков, замки без ключей. Лемнер взял длинный гранёный гвоздь с кованой шляпкой.

– Вава, купи гвоздь.

– Зачем, командир?

– Повесишь панаму.

– Есть вешалка, командир.

– Гвоздь попадёт в музей Африки. «Детки, смотрите, вот гвоздь. На нём висела панاما Вавы».

– Или сам Вава.

– Нет, Вава, ты умрёшь своей смертью. Твоим именем назовут большой африканский город. На твои похороны придёт президент.

– Который, командир?

– А какой ты хочешь?

– По мне бы Троевидов.

– А придёт Мкомбо.

– Не доживёт. Здесь президенты долго не живут.

– Опять ничего не купим, – Лемнер положил гвоздь на тряпицу.

За ними увязался огромный негр. Он был голый, с рельефными мускулами, как тёмная бронзовая скульптура. Он был безумен, но его помешательство было незлым, он слюняво улыбался, причмокивал, притоптывал. Ему нравились Лемнер и Вава. Между ног у него раскочи-

валось нечто, похожее на хобот небольшого слона. Безумец лез к Лемнеру, трогал его за плечо. Торговцы отгоняли его, кричали, били. Он уклонялся от побоев, улыбался, пританцовывал огромными, с костяными пятками, ногами.

– Может, его пристрелить? – спросил Вава.

– Лучше пойми, что он хочет.

– Что он хочет?

– Сфотографироваться со мной.

Лемнер подозвал негра. Тот счастливо положил ему на плечо огромную, с поломанными ногтями, лапу, прижался. Вава фотографировал на телефон. Торговцы изумлённо смотрели. Негр слюняво смеялся, раскачивал своим чёрным отростком.

Лемнер и Вава покинули рынок. Ещё не доходя до отеля, Лемнер почувствовал множество ожогов. Его кусали блохи, переметнувшиеся с негра. Лемнер сбросил одежду, долго мылился, мылся под горячим душем. Одежду кипятила гостиничная прислуга. И это была Африка, которую Лемнер любил.

На бэтээр он катил по саванне. Кругом волновались травы, тонкие, летучие. Серебряные гривы улетали к синим горам. Он сидел на броне, ухватив ствол пулемёта, слышал, как мягко колыхнется земля, поднимая и опуская машину. Небо в прозрачной оранжевой туче копило ливень. Травы облизывали бэтээр, ласкали его железные ромбы, стальная машина нежилась, ныряла в травы. Они распахивались, обнимали машину бессчётными серебряными руками и тут же отпускали, смыкались за кормой. Над Лемнером, над его линиялой, изъеденной ливнями панамой летели, не желая отставать, бирюзовые птички.

На его ладони, сжимавшей ствол пулемёта, появилась новая линия жизни. Линия Величия. Её начертала красавица со средиземноморским лицом, загадочная ведунья, возникшая из деревянного киота, как ожившая смуглоликая икона. И он на мгновение ослеп, увидев среди шелков белизну её тела. Просыпаясь бессонной ночью, столько раз её целовал, не противясь таинственной власти, что обрела над ним волшебница с волосами, как чёрный перламутр. Она прочертила по африканской саванне линию Величия, и теперь, послушный её предсказаниям, он движется к синим горам.

Увидел, как колыхнулась саванна, будто её накрыла летучая тень. Травы убежали за этой тенью, в них пролегли серебряные дороги, и по этим дорогам мчались антилопы. Их утопавшие в травах тела, запрокинутые губастые головы, сверкающие, полные страха глаза, заострённые витые рога. Лемнер видел, как бугрятся мышцы под их пятнистой кожей, как взлетают над травой отточенные копыта. Чувствовал стуки их горячих сердец, жаркое дыхание ноздрей. Восхищался, обожал, погнал бэтээр вслед убегающему стаду.

Он нёсся по саванне среди бесчисленных глаз, рогов, лёгких воздушных тел. Слева, справа, шарахаясь, неслись прекрасные антилопы. Он чувствовал их женственность, обожал их тонкие взлетающие ноги, огромные выпуклые глаза. Он обнимал, целовал тёмные мягкие губы. Среди антилоп была желанная, любимая ведунья, которая в образе дивного африканского зверя явилась ему, влечёт к синим горам.

Над головой долго, по всему небу, треснуло. Из рыжей, полной огня тучи упал ливень. Тяжкий, жаркий, кипящий, шипел на броне, жёг сквозь рубаху, затмевал непроглядной стеклянной тьмой. Бэтээр мчался вслепую, возникали и пропадали глазастые головы, витые рога. Лемнер ликовал. Ему был послан этот ливень, послано дивное стадо. Он был пастырь, пас этих сказочных африканских животных, пас африканские народы. Он был пастух, кого привела ведунья, чтобы он пас народы. Африка любила его, а он любил Африку. Она была послушна ему, целовала его травами, омывала ливнями, провожала птицами. Он ворвался в Африку, как русская буря, как Ермак Тимофеевич. Он положит Африку к ногам Президента, и Африка станет русской, а он властелином Африки, всей, от горячих песков до холодных течений. Африка

ждала его, звала, и он искал её и нашёл. Его вывела к Африке линия жизни, вывела колдунья, направляя к Величию.

Ливень кончился. Солнце горело на броне. Травы лежали. Над саванной поднимался пар. Стадо удалялось, словно его уносило ливнем. Рубаха хлюпала и жгла, как горчичник. Лемнер пережил чудесную встречу с Африкой, чудесную встречу с Ланой. Улыбался, стряхивал воду с панамы. И это была Африка, и Лемнер её любил.

Он пробирался в джунглях, по заросшей просеке, оставленной французами на недостроенной дороге. Было тесно от деревьев. Они навалились на просеку, старались затянуть нанесённый рубец. Перебрасывали через просеку лианы, навешивали густые, тяжёлые ветви, заслоняли небо зелёными ворохами. Пахло сладкими маслами, эфирами, тлением множества умерших листьев, корней, плодов. Веяло ароматами набухших бутонов, отекавших соком ягод, дурманами розовых и синих цветов. Так пахнет распаренная баней женщина. В зарослях звенело, скрипело, верещало. Перелетали крикливые птицы с кривыми клювами, в красном и жёлтом оперении. Пронеслась над головой и мягко шлёпнулась о дерево обезьяна. Шмыгнул под ногами юркий зверёк, похожий на бурундука.

Лемнер наслаждался одиночеством, бездорожьем, слиянием с африканской природой. Голубым, упавшим с неба пером, маслянистой каплей, оброненной цветком.

Среди несчётных звуков он уловил едва различимый шелест. Над ним тихо шуршало. В паутине билась огромная перламутровая бабочка. Её резные крылья увязли в клейкой сети. Лапки беспомощно дергались. Вокруг неё кружил мохнатый чёрный паук. Его передние цепкие лапы оплетали бабочку, набрасывали на неё новые петли, стискивали крылья. Паук отбежал по паутине назад, словно любовался добычей, а потом приближал свой клюв. Лемнер чувствовал ужас бабочки, предсмертные усилия спастись, умчаться в благоухающий лес. Лемнер смотрел на гибнущую бабочку. У него появлялось желание вызволить её из паутины, прогнать паука, спасти от смерти крохотное, бьющееся в хрупком тельце сердце. Но он себя останавливал. Он находился среди природы, жившей по своим заповедным законам, которые властны над пауком и бабочкой. Он не вправе вторгаться в таинственную природу своей примитивной волей. Паук касался бабочки лапами с колючими крючками, бабочка вздрагивала, её крылья не бились, а только мучительно выгибались. Было в этой бабочке сходство с Аллой – её красота, грация, обречённость.

Лемнер достал десантный нож, сунул в паутину. Паук стремглав умчался в листву близкой ветки. Лемнер осторожно рвал ножом паутину, нежно извлекал бабочку из плена. Стараясь не смахнуть пыльцу, снимал липкую паутину с крыльев. Рассматривал крохотные рубиновые пятна на перламутре. Отнёс бабочку с просеки и посадил на глянцевиный лист. Она сидела, тёрла лапкой о лапку, снимала клейкую паутину. Лемнер смотрел на неё. Он явился в Африку со своим справедливым законом и отрицал закон джунглей. Он принёс в Африку гармонию и станет преобразовать континент, данный ему в управление.

Бабочка освободилась от паутины, сверкнула перламутром и улетела, оставив пустой глянцевиный лист. Лемнер тронул лист, где только что сидела бабочка. Он любил Африку, а Африка любила его.

Лемнер получил то, о чём мечтал. У него была небольшая боеспособная армия, укомплектованная обстрелянными солдатами, вооружённая мелким и крупным стрелковым оружием, посаженная на транспортёры, обеспеченная космической связью и переносными зенитно-ракетными комплексами. Эта армия звалась «Пушкин», носила шевроны с профилем поэта и распевала романсы Глинки на стихи Пушкина. Это не мешало «пушкинистам» исполнять гимн со словами «У каждой пули есть своя улыбка» и «Несу на блюде голову врага».

Армия «Пушкин» взяла под контроль золотые месторождения, вытеснив французов. Французы уходили неохотно, оставляя убитых солдат Иностранного легиона. Если погибал «пушкинист», его накрывали флагом, где на серебряном блюде лежала отсечённая голова овна.

На закрытые веки героя клали золотые самородки. Самородки имели каплевидную форму, и казалось, убитый солдат плачет золотыми слезами.

Лемнер получил во владение золотоносный рудник в Чомбо, и его банковские счета разбухли от поступлений. Чомбо находился в предгорьях. Там работали гигантские экскаваторы, крутились камнедробилки и мельницы. Водяные помпы вымывали из размельчённой породы самородки. Самородки, как капли, срывались с ленты транспортёра, и казалось, Африка плачет золотыми слезами.

Чомбо являл собой барачный посёлок для чёрных рабочих и несколько коттеджей с кондиционером для французского персонала. Когда «пушкинисты» окружили рудник и нацелили на коттеджи пулемёты, Лемнер на великолепном французском обратился в мегафон к испуганному персоналу:

– Месье, Россия не злопамятна и не мстит Франции за злодеяние Дантеса. Африка долго выбирала между Вольтером и Пушкиным и выбрала Пушкина. Надеюсь, через три часа рассеется пыль от ваших пикапов. На моих часах полдень, месье!

Французы оценили произношение Лемнера и покинули рудник, захватив дневную добычу самородков. Лемнер стал владельцем рудника, выписал из России технический персонал, оставив рабочие места за африканцами.

Он сидел в конторе, разбирая бумаги, чувствуя себя крупным дельцом, чьё дело вышло за пределы России и превратило его в игрока мировых рынков. Рация воспалённо забулькала, Вава хрипло известил:

– Командир, воздух!

Лемнер выскочил в пекло. Среди слепящего жара, размытые, словно оплавленные, стояли цеха, склады, гаражи, высилась смотровая вышка под козырьком, виднелся укрытый в тени часовой. Из пыльного рыжего неба слышался тихий стрёкот. Казалось, пиликает кузнецик. Лемнер крутил головой, стараясь среди солнечного тумана разглядеть вертолёт. «Апачи», пучеглазый, пятнистый, как тритон, делал вираж. Мерцала кабина, как слюда, трепетали винты, виднелись подвески с ракетами.

– Командир, француз прилетел. Будем сбивать? – Вава держал пенал на плече, водил по небу. В панаме, в тропической форме, в башмаках на толстой подошве, он приседал, был похож на плакат, поясняющий работу переносного зенитно-ракетного комплекса. Вертолёт совершал вираж, искал в небе точку, удобную для ракетного удара. Нашёл, замер, словно повис. Стал косо падать, сверкая винтами. Из-под брюха бледно полыхнуло, чёрные острия метнулись к земле. Вокруг Лемнера страшно хлестнуло, взрыхлило пустырь, продырявило стены цехов, повалило вышку, из которой вылетел, махая руками, солдат. Вертолёт уходил. Горели постройки, ошалело бежали люди, часовой с оторванными ногами дёргался, окружённый дымом.

– Твою мать! – Вава целил пеналом в пустое небо, где не было вертолёта, и оставался затихающий стрёкот. – Твою мать!

Лемнер, оглушённый, слышал, как начинается озноб. Было холодно на пекле. Казалось, в животе намерзает глыба льда.

Стрёкот вернулся. Замерцало под солнцем. «Апачи» возник из рыжего неба. Стекло кабины мерцало, как бриллиант. Лемнер видел линию, соединяющую бриллиант с его сердцем. Хотел бежать и не мог. Среди раскалённого африканского дня его бил колотун, трясла судорога. Яды, в детстве залетевшие в кровь, проснулись, гуляли в крови. Это разливалась в крови его смерть. Она превратила его в неподвижную мишень. Он находился в прицеле. Невидимый лётчик сводил на его сердце перекрестье прицела. Лемнер слышал приближение смерти. Она издавала нежный стрекочущий звук. Так звенит кузнецик на опушке русского леса.

Вертолёт выбирал точку, откуда удобнее убить Лемнера. Лемнер видел эту точку. Она казалась лиловым пятнышком. Её искал вертолёт, чтобы из этой точки убить Лемнера. Он

не мог убежать – превратился в ледяной столб и был идеальной мишенью. Вертолёт искал лиловую точку, и Вава её искал. Вертолёт и Вава нашли эту точку, и Вава пальнул. Змея огня вильнула в небе, ушла к вертолёту и ужалила. Взрыв был бледный и почти беззвучный. Лемнер видел, как от вертолёта отвалился хвост. Вертолёт кувыркнулся, как подстреленный селезень, продолжая лететь после смерти. Полыхнул ещё один взрыв, и горящие ломти упали на близкую пустошь.

– Твою мать, командир! Силь ву пле! – ликовал Вава, притоптывая, исполняя ритуальный танец. – Мерси, мадам!

Ледяная глыба в животе Лемнера расплавилась. Лёд в глазах растаял, и глаза жадно смотрели на пустошь, где горел вертолёт. Там сгорала смерть Лемнера.

Они вскочили в джип и помчали на пустошь. Следом скользнули два бэтэера. Мелкие обломки широко усеяли пустошь. Фюзеляж уцелел, горбился без винтов, сочился дымом. Пахло бензином, горелой пластмассой и чем-то ещё, чем пахнут шашлыки. Трупы лётчиков были разбросаны, на них дымилась одежда. Но в фюзеляже оставался живой. Его не тронул взрыв, не сжёг огонь. Оглушённый, он шевелился, растопырил пальцы, как это делают блатные.

– Добрый день, месье, – Лемнер говорил по-французски, рассматривая человека. – Со счастливым приземлением!

Человек бормотал, совал Лемнеру в нос растопыренные пальцы. Это забавляло Лемнера. Блатной француз был любимчик Господа.

Вава смотрел на француза, как на подранка перед тем, как добить. Он помог французу выбраться из обломков и поставил на ноги, удерживал, чтобы тот не упал.

– Не знаю, что мне с вами делать, месье? – спросил Лемнер. – Вы напали на моих людей и некоторых убили. Не знаю, что с вами делать.

Из впалых щёк француза ушла плоть. Осталась кожа, облежавшая челюсть.

– Я не военный, – просипел француз. – Я геолог. Я пассажир.

– Вы пассажир военного вертолёта, который напал на моих людей. Некоторых из них убил и хотел убить меня.

– Я не хотел убивать. Я не военный. Я геолог. Ищу золото. Мне нужен врач.

– Считайте, что золото вы нашли. С врачом сложнее. Как ваше имя?

– Гастон Велье.

– Откуда вы родом, месье Велье?

– Из Гавра.

– Это не рядом с Оверном? Возле Оверна такие прекрасные пшеничные поля. Не приходилось видеть?

– Я геолог, ищу золото. Я никого не убивал. Мне нужен врач.

– Жаль, что вы не были в Оверне. Там действительно прекрасные поля пшеницы.

Лемнер смотрел на впалые щёки француза. Сквозь кожу щеки угадывались зубы. На голове француза было так мало плоти, что голова казалась голым черепом. Смотрели мутные глаза, чудом удержавшиеся в глазницах.

Этот француз, любимчик Господа, выпал из той фиолетовой точки, откуда смерть прочертила к Лемнеру прямую линию. Лемнер, стоя под прицелом вертолёта, пережил детский ужас, когда спасался от смерти, бежал на второй этаж к спасительным дверям с табличкой «Блюменфельд». Француз был родом из Гавра, а Гавр находился в подвале, из которого француз с голым черепом гнался за ним, желая убить. Догнал в Африке, нашёл фиолетовую точку в африканском небе и оттуда хотел его убить. Лемнер, избегнув смерти, чувствовал игривую весёлость. Смотрел, как сквозь впалую щеку француза проступает челюсть.

– Вы ищите золото, месье Велье? Я помогу вам его найти! Оно здесь, под ногами.

– Что делать с французом? – спросил Вава.

– Что сказано по этому поводу в уставе подразделения «Пушкин»?

– Добить врага.

Солдаты вышли из бэтээров и ковырялись в обломках.

– Копайте яму! – приказал Лемнер.

Солдаты копали, а Лемнер расспрашивал француза о Гавре. Верно ли, что Гавр находится в подвале пятиэтажного дома и соединён подземным ходом с Миусским кладбищем? И покойники через подземелье попадают в подвал? И нет ли среди этих покойников француза по имени Гастон Велье? Француз не понимал, стонал от ушибов, повторял:

– Мне нужен доктор! Пожалуйста, месье, нужен доктор!

Солдаты сапёрными лопатками сняли зелёный дерн. Удалили тонкий слой коричневого перегноя. Рыли красноватую пористую землю, под которой открылся серый песчаный грунт. Стояли по плечи в яме, выбрасывая на поверхность древний вулканический пепел.

– Что вы делаете? – француз со страхом смотрел на солдат.

– Ищем золото, месье Велье!

Солдаты с трудом выбирались из ямы, отрытой в рост человека.

– Ты меня понял? – спросил Лемнер солдата с пшеничными бровями и маленьким клювом хищной птицы. – Доходчиво объяснил?

– Доходчиво, командир.

Солдаты схватили француза, толкнули к яме, опрокинули вниз головой. Держали за ноги. Француз висел, бился. Его кожаные, с блестящими пряжками башмаки торчали наружу. Кричащая голова касалась дна ямы.

– Ищите золото, месье Велье! Поскребите дно. Там полно самородков!

Солдаты в две лопаты забрасывали яму. Голова француза скрылась в земле, но он ещё бился. Обмяк, тяжело висел в солдатских руках. Яму забросали так, что из земли торчали башмаки с застёжками. Лемнер содрал башмаки. Обнажились стопы с костяными пятками и кривыми пальцами. Солдаты отаптывали землю вокруг торчащих ног.

– Не понимаю, зачем вверх ногами? – пожимал плечами Вава.

– Так ближе к центру Земли.

– А пятки зачем оставил?

– Пусть загорают.

Они погрузились в джип и вернулись на прииск. Там уже ничего не горело. На брезенте лежал безногий солдат, и товарищи прикладывали к туловищу оторванную ногу.

Это была Африка, и Лемнер её любил.

Он сидел в ванной с чернокожей красавицей, которую прислал ему в подарок президент Мкомбо.

Ванна была чёрной, пена перламутровой, из радужных пузырей поднимала свои чёрные плечи красавица, поводила белками, улыбалась, показывая алый язык. Лемнер, погружённый в пену, ловил ногами её ноги. Ноги были струящиеся, ускользали, казались таинственными, живущими под водой существами.

– Как тебя звать? – спросил Лемнер, сжимая коленями её стопу.

– Нуар, – улыбнулась красавица, слизывая пену алым языком.

– Какого цвета душа у чёрных женщин?

– У чёрных женщин душа белая, а у белых женщин душа чёрная.

Нуар плеснула в Лемнера пеной. Он почувствовал на губах аромат её тела. Несколько перламутровых пузырей повисли в воздухе.

Она поднялась из ванной и стояла, переливаясь разноцветными огнями. Лемнер подумал, что чёрная Афродита рождается из пены, стоя в чёрной раковине.

– У африканских женщин бедра широкие, как у вазы. Ты похожа на вазу, Нуар.

– Тогда поставь в неё букет, – засмеялась она.

Она вышла из ванной, медленно переноса через край длинную ногу. С ноги летела пена. Нуар была похожа на танцовщицу. Шла, оставляя на полу мокрые отпечатки.

– Сумел бы я с закрытыми глазами отличить тебя от белой женщины?

Закрыв глаза, он касался пальцами её тела. Груды её были длинные, шёлковые, сужались к соскам, а соски были сладкие на вкус, как финик. Плечи были острые, чуткие, а ключицы хрупкие, с углублениями, в которых сохранились капли воды. Бёдра были широкие, овальные, теплые, он гладил их, и они слабо волновались в его ладонях. Её набедренная повязка была из каракуля, и он погружал в каракуль пальцы, и они тонули в кольцах тёплого меха. Он вёл рукой по её ноге и ждал, когда в его ладони окажется круглая пятка. Медленно перебирал пальцы её ног, как перебирают лепестки цветка.

– Теперь, если ослепну, то узнаю тебя.

Он её обнимал, и она кричала то разгневанной львицей, то танцующим любовный танец фламинго, то предсмертным воплем гибнущей антилопы. В её криках были лесные звуки. Клёкот попугаев, шлепок о дерево летящей на лиане обезьяны, шелест бабочки, попавшей в сеть паука, трубный зов потерявшей слонёнка слонихи. В его объятьях волновалась Африка с лунными озёрами, солнечными водопадами, стадами антилоп, стаями лебедей и фламинго, с тихим шёпотом распустившегося на рассвете цветка.

Она уходила от него, надевая яркое жёлтое платье, под которым скрылось бархатное чёрное тело. Он подарил ей золотой самородок, похожий на голову антилопы. У порога она обернулась.

– Меня зовут Франсуаза Гонкур. Я училась в Сорбонне. Изучала Пушкина. Письмо Татьяны к Онегину. «Зачем вы посетили нас? В глуши забытого селенья я никогда не знала б вас, не знала б горького мученья».

Она исчезла. На полу оставались следы её босых ног. Лемнер смотрел, как следы высыхают. Это была Африка, и он любил её.

Глава тринадцатая

Лемнер думал о Лане Веретеновой, вспоминал её смуглое лицо с маленьким пунцовым ртом, тонкие пальцы, сжимавшие его запястье, её гадания, в которых она предсказала ему Северный полюс и Африку. Ланы не было рядом, но струились незримые волны, приносявшие её бессловесные послания. Он их читал, не умея раскрыть содержание.

Лемнер сидел в кабинете перед компьютером, направляя потоки золота в банк Анатолия Ефремовича Чулаки, в личные хранилища президента Мкомбо и в свою сокровищницу, делавшую его богачом. Он был владелец рудника в Чомбо, Африка одаривала его самородками. Африка была Богородицей с чёрным лицом, которая плакала золотыми слезами. Лемнер подставлял ладони под золотую капель, как под рукомойник. Ладони и пальцы его становились золотыми.

Могучие ковши драли землю предгорий. Громадные самосвалы везли на фабрику породу, начинённую самородками. Мельницы дробили породу. Мощные струи воды отделяли шлаки от золота. Чёрнокожие рабочие в белых халатах пинцетами выклёвывали с ленты транспортера золотые крупницы, а чуткие пальцы хватили крупные самородки.

Лемнер отвлёкся от компьютера и смотрел, как по столу ползёт большой зелёный богомол. Тварь случайно попала в кабинет из тропического леса и теперь искала дорогу обратно. Богомол медленно передвигался по столу, не замечая Лемнера. А тот ждал, когда богомол достигнет края стола и упадёт на пол. С падением богомола на пол Лемнер связывал таинственное, копившееся в нём знание, невнятное, неоформленное мыслью, но огромное, как вероучение. Богомол имел зелёное, тонкое, как спица, тело, громадные, согнутые в коленях ноги, тяжёлую, опущенную книзу голову с крохотными зелёными глазками. Богомол был похож на министра иностранных дел Клёнова, которого Лемнер видел в Доме приёмов. Знание, что копилось в Лемнере, соотносило министра Клёнова, богомола, чернокожего министра Мкомбо, ставшего теперь президентом, Северный полюс, Африку и смуглолицую ведунью с прелестной лодыжкой и маленьким пунцовым ртом. Из пунцовых губ звучали предсказания о России Мнимой и о чудесном воителе, соединившем Россию Подлинную и Россию Мнимую.

Богомол полз по столу. Преодолеl препятствие в виде ручки «Паркер», прополз по деловому письму с профилем Пушкина. Остановился у края, словно раздумывал, не повернуть ли обратно. Лемнер, томимый вероучением, побуждал богомола: «Ну, давай же, вперёд!» Умолял: «Упади и разбейся!» Его суеверная мысль подсказывала, что смерть богомола обещает Лемнеру бессмертие. Богомол качнулся, занёс зелёную ногу над краем стала, подался вперёд и рухнул. Лемнер слышал едва уловимый треск сухого хитина.

И случилось прозрение. Лемнер, бесподобный избранник, несравненный воитель, полководец Светоча, апостол Чулаки, посланник Ивана Артаковича, он, Михаил Соломонович Лемнер, не дожидаясь заветного дня, совершил Великий Переход. Оказался в России Мнимой. Этой Мнимой Россией была Африка. Он овладел тайной мнимого числа, извлёк корень квадратный из минус единицы и создал математику мнимых чисел, математику парадоксов. Африка, будучи мнимой, есть Подлинная Россия, а Подлинная Россия, будучи Африкой, есть Россия Мнимая. Такое возможно лишь в точке пересечения обеих России. Он достиг мнимой подлинности и подлинной мнимости. Его сердце есть точка пересечения обеих России, место Великого Перехода. Ведунья с пунцовым ртом угадала в нём перешеек, соединяющий обе России. Он и Пушкин, два выходца из России Подлинной в Россию Мнимую, теперь вернулись на свою заповедную Родину.

«Да, да, Президент Троевидов соединил Крым и Россию и назовётся Троевидов Таврический. А я повенчал Россию и Африку и буду наречен Лемнер Африканский. Величие России Африкой прирастать будет!»

Лавина открытий ошеломила Лемнера. Это могло показаться безумием, если бы не богомол, упавший на пол. Если бы не тайные волны, приносившие посланья Ланы Веретеновой.

«О, Боже, как прекрасна её ослепительная, из-под синего шёлка, лодыжка!»

В кабинет Лемнера вломились. То был Вава и четверо охранников-«пушкинистов». Они волокли чернокожего рабочего в белом халате. Рабочий отбивался, высовывал жаркий красный язык, дико водил белками. Он был не молод, его кудрявые волосы посыпала белая мука.

– Командир, этот толстогубый вор украл самородки! Спрятал в свою чёрную задницу. В камере слежения было видно, как он спустил штаны и засовывал в зад самородки. Они у него в жопе.

– Проведём дознание, – Лемнеру была неприятна роль дознавателя, но украденные самородки взывали. – Снимайте с него портки!

С рабочего стянули полосатые штаны. Лемнер осмотрел круглые, как чёрные шары, ягодицы.

– Зажмите ему ноздри и рот и раздвиньте ягодицы!

Рабочего нагнули, заломили руки, стиснули ноздри, зажали рот. Раздвинули ягодицы. Рабочий сипел, задыхался. Его живот сотрясался. Из чёрных ягодиц стали выпадать самородки, один, другой, третий. Звякали об пол.

Рабочего отпустили. Он стоял без штанов, смотрел на выпавшие самородки.

– Тебя, парень, нужно беречь, – Лемнер носком туфли двигал самородки. – Из тебя золото капает.

– Месье, у меня трое детей. Старые мать, отец. Брат больной. У сестры мужа убили. Простите, месье! Я раскаиваюсь!

– Не раскаивайся. Никто тебя не винит. Ты человек драгоценный. Можно сказать, обогатительная фабрика на двух ногах. В рот кладёшь породу, а из жопы достаёшь самородки, – Лемнер повернулся к охранникам. – Набейте ему рот породой, пусть переварит в самородки!

Рабочего вытащили из кабинета на двор. Держали за руки, совали в рот куски породы. Он кричал. Порода рвала ему губы. Текла кровь. Куски заталкивали. Он задыхался, хрипел. Осел, сотрясался. Его длинные голые ноги дергались. Из ноздрей, из глаз текла кровь.

– Что с ним делать, командир? – Вава ткнул мертвеца башмаком.

– Киньте в мельницу. Может, в нём осталось золото, – Лемнер повернулся и пошёл. Рабочего волокли в цех, где грохотала камнедробилка, перемальывала тяжёлые глыбы породы. Кинули под жернова, и он исчез среди железных катков.

Лемнер, тем временем, продолжал извлекать корень квадратный из минус единицы и множил парадоксы. Он думал о заветном дне, когда случится Великий Переход, и все обитатели России Подлинной устремятся в Россию Мнимую, и местом перехода будет его сердце, ибо там пересекаются обе России. Миллионы людей устремятся в его сердце, чтобы поскорее покинуть Россию и населить Африку. И хватит ли в его сердце места, чтобы принять миллионы русских? Сможет ли его еврейское сердце принять несметное количество русских, желающих покинуть Россию? Он знал, что сердца расширяются от ненависти и любви. Ненависть была неприемлема. Любовь расширит его сердце настолько, что оно пропустит сквозь себя всех, желающих покинуть Россию. И тогда встанет проблема их расселения и смешения с населением Африки. Чёрные русские смешаются с белыми неграми, и возникнет серая раса. Москва превратится в Банги, а здесь появится колокольня Ивана Великого и Выставка достижений народного хозяйства, где будет открыта великолепная картинная галерея, куда переедет коллекция картин из склада древесных изделий. Смотрителями в галерее будут Аркадий Францевич, только чёрный, и Франсуаза Гонкур, у которой на ногах шесть пальцев. Среди картин на самом видном месте будет висеть «Пшеничное поле возле Оверна». А «Гернику» он не поместит в галерею. «Гернику» он отвезёт в джунгли, и пусть населяющие картину чудища сойдут

с холста и растворятся среди обезьян, бегемотов и попугаев. И ночью среди множества звуков будет слышен жуткий рёв минотавра.

Так думал Лемнер, отправляясь во дворец президента Мкомбо, чтобы обсудить приобретение ещё одного золотого прииска в провинции Дымбо.

Президентский дворец, бирюзовый, окружённый цветниками, с чудесным фиолетовым деревом, был отмыт от недавней копоти, на нём исчезли пулевые отверстия, метины гранатомётов. Лемнер прошёл сквозь золочёные ворота, вспоминая, как они висели на носу прорвавшегося бэтээра. У входа, пышного, окружённого лепниной, стоял вольер. В нём метались, грызли железные прутья собаки. Свирепые морды, мокрые клыки, ненавидящие кровавые глаза. Лемнер поспешил пройти мимо хрипящих зверюг.

Кабинет президента Мкомбо был таким же, каким запомнил его Лемнер в день штурма. На столе стоял золотой слон, теснились золотые телефоны, и только не было золотого пистолета. Пистолет был спрятан за поясом Лемнера.

– Дорогой брат, месье Лемнер! – ему навстречу шёл президент Мкомбо, благодушный, пахнувший дорогим одеколоном. Казалось, его лицо было покрыто дорогим чёрным лаком, на щеке сиял надрез, оставленный острой раковиной. – Вопрос с рудником Дымбо улажен. Теперь вы полный его владелец. Как негодовал французский посол! Грозил вторжением. Но умолк, когда я показал ему фотографии русских танков с профилем Пушкина на броне.

– Пушкина убил француз Дантес. Стреляя в Пушкина, метил в Африку. Мы извлекли французскую пулю из тела Африки и внимательно её изучили. Как известно, у каждой пули есть своя улыбка. У пули Дантеса улыбка президента Макрона.

– Мне сообщили, что один французский геолог спрятал голову в африканской земле и там улыбается.

– Правда? Ничего об этом не слышал. А скажите, месье президент, зачем вы держите у дворца свирепых мерзких собак?

– В целях безопасности, месье Лемнер. Я не кормлю их неделями. Ночью выпускаю, они носятся вокруг дворца и рвут на куски всякого, кто сюда забредёт.

В кабинет мягко вошёл секретарь. Наклонился к президенту Мкомбо.

– Блумбо готов назвать счета и перевести деньги.

– Долго же упиралась эта чёрная скотина! – воскликнул президент Мкомбо. – Как вам удалось добиться согласия?

– Мы применили к нему крайнее средство, «Абиссинских пилигримов».

– Что за средство? – поинтересовался Лемнер.

– О, это старое африканское средство, – пояснил президент Мкомбо. – В задний проход узнику вставляют бамбуковую трубку и по ней запускают чёрных ядовитых муравьёв. Мало кто после этого продолжает молчать.

– Надо спуститься к Блумбо, пока он жив, – поторопил секретарь. – Возьмите свой персональный компьютер.

Они покинули золочёный кабинет и шли по сияющим коридорам, где недавно гремела рукопашная, и Лемнер спас Ваву, набив свинцом чёрного великана в малиновом берете. Парадные лестницы кончились, и они оказались в подвалах дворца. Здесь помещалась тюрьма. Лемнер с детства не любил подвалов, полагая, что они сообщаются с преисподней, и в них обитают чудища. В этом подвале обитало чудище, недавно бывшее президентом Блумбо. Он был голый, на чёрном теле взбухли красные рубцы. Раны сочились гноем. Нижняя губа была отрезана, и в голой десне осталось несколько белых зубов. Один глаз выбит, и в нём хлюпала жижа. Другой дико сверкнул белком, когда увидел вошедших.

– Дорогой Блумбо, надеюсь, с тобой хорошо обращаются? Ты звал меня?

– Мкомбо, ты не можешь меня убить! Наши дяди троюродные братья великого Сванги. Выходцы из народа минене. В нас течёт одна кровь!

– Только твоя почти вытекла, а моя течёт в президентских венах. Ты хотел совершить перевод со своих счетов на мои восемьсот миллионов долларов. Вот компьютер. Набери код, и ты избавишься от денег, сделавших тебя несчастным.

– Они сделают и тебя несчастным! Когда-нибудь к тебе в подвал спустится новый президент и потребует, чтобы ты назвал код.

– Блумбо, у меня наверху остывает кофе. Ты будешь совершать перевод?

– Нет, никогда!

– Принесите бамбуковую трубку и коробку с «абиссинскими пилигримами».

– О, нет, не надо! Я сделаю перевод!

Президент Мкомбо открыл компьютер, поставил на пол у ног Блумбо. Пальцы ног были обрублены, и торчали розовые косточки. Блумбо шарил по клавишам. Живой глаз дико блеснул, а из другого лилась на компьютер красная жижа.

– Все деньги твои! Будь ты проклят, Мкомбо! Пусть тебе и твоим русским друзьям вставят бамбуковую трубку и пустят «абиссинских пилигримов»!

Президент Мкомбо убедился, что перевод прошёл. Вынул пистолет и выстрелил в Блумбо. Выстрел был неудачный, пуля миновала сердце и попала в живот. Блумбо катался по полу, зажимая рану. Лемнер извлек золотой пистолет, когда-то принадлежавший президенту Блумбо, и выстрелил. Блумбо затих.

Лемнер и президент Мкомбо вернулись в золотой кабинет и продолжали пить кофе.

Лемнер, покидая дворец, проходил мимо вольера с собаками. Звери хрипели, брызгали слюной, обгладывали кости. Это был скелет президента Блумбо.

Один парадокс сменялся другим. Вероучение России Мнимой состояло из парадоксов. Парадоксы были формой, что удержала в себе зыбкое, ускользающее вероучение России Мнимой. Лемнер задавался вопросом, кто он и к какому народу принадлежит. Ни принадлежит ли он к народу минене, подарившему миру великого правителя Кванго? Или он из ильменских славян? Или, что там хитрить, из колена Аронова? Лемнер хотел приложиться к каждому из этих народов, но народы не принимали его. Он чувствовал своё сиротство, своё одиночество среди народов Земли. И ему открылось, что он принадлежит к исчезнувшему народу, рождённому при сотворении мира и владевшему тайной этого сотворения. Народ ушёл и унёс с собой тайну. Лемнер, последний уцелевший из народа, хранит эту тайну. Но она мнима и может быть выражена в форме парадокса. Ему предстоит возродить исчезнувший народ, чтобы он царил среди других народов и открыл им тайну сотворения мира. Но для этого нужна женщина, в лоно которой он бросит своё раскалённое семя, и она станет прародительницей народа, который через неё вернётся на Землю. Но где то лоно, что примет его раскалённое семя? Где женщина, от которой поведётся народ? Рыжей красавице Матильде он подарил золотую змейку, и Матильда принимала в лоно его раскалённое семя. Но её сожгли инквизиторы, и семя сгорело в костре. Чудесная несравненная Алла, носившая в себе его семя, замёрзла на льдине перед букетом красных роз, и его сын превратился в ломтик льда. Где найти женщину, ведущую концы и начала, готовую претерпеть ожог его раскалённого семени и вернуть на Землю народ, знающий тайны сотворения мира? Эта женщина – Лана Веретенова, чья ослепительная лодыжка будит его среди африканской ночи. Таинственные волны эфира несут ему весть о их скорой встрече.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.